

НИКИТА БОГОВИН

ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ РОДА МИРАРИН
ВОЙНА НА ЛОРОНИНЕ

18+

Последний из рода Мирарин

Никита Боговин

**Последний из рода Мирарин.
Война на Лоронине**

«Автор»

2026

Боговин Н. И.

Последний из рода Мирарин. Война на Лоронине /

Н. И. Боговин — «Автор», 2026 — (Последний из рода Мирарин)

У Винириона две памяти: одна – о доме, где пахло чернилами, другая – о ночи, которая обратила всё в пепел. Между ними уместилось всё, во что он верил и что потерял. Теперь он носит на груди камень, забирающий боль, и слышит внутри голос, который обещает силу, если перестать сопротивляться. Рядом девушка, которую он когда-то знал под чужим именем. Она держит его за руку в те моменты, когда тьма подступает ближе всего. Но чтобы защитить её, ему, возможно, придётся стать тем, кого она боится. А чтобы остаться собой – отказаться от того, что уже пустило корни.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Никита Боговин

Последний из рода Мирарин.

Война на Лоронине

Пролог

Корнелий

15 Альтйора 915 год город Ровнобалас

Ночь выдалась по-альтйорски студеной. Узкое море с остервенением дробило волны о скалы, и с каждым ударом солёные брызги взлетали к витражам. Там, за толстым стеклом, замерли лики Шести. Боги вечно смотрели из Пустоты, безучастные к воде, рвущейся о скалы.

Я заставил себя отвернуться от алтаря. Молитва Сханне заполняла собор – монотонная, выпрашивающая покой для грешных душ. Бесплезно. Боги не слушают тех, кто дрожит от страха. А я дрожал. Мелко, непрерывно, хоть и старался унять эту дрожь, сжимая пальцы на рукояти меча. Бронзовая драконья лапа на устье ножен привычно холодила кожу. Я стоял за спиной императора, чувствуя себя самозванцем: мальчишкой, которого нарядили в доспехи и поставили на место, где должен быть взрослый рыцарь. Но взрослых рыцарей здесь не было. Только я.

Резкий порыв ветра рванул балконную дверь, бросив в лицо колючий снег. Я налёг на створки, задвинул тяжёлый засов, перевёл дух. Гул молящихся вновь заполнил зал – неразборчивый круговорот слов, в котором тонули мысли.

В толпе была лишь одна фигура, имевшая значение. Император. Скрытый глубоким капюшоном, он замер у алтаря – отрешённый, неподвижный. Глядя на его спину, я чувствовал, как под ложечкой разливается ледяная пустота. От меня легче избавиться. Я гнал эту мысль.

Рыцарь Драмелы. Когда я услышал это звание впервые, внутри всё сжалось. Прародительница императоров, богиня баланса... я не выбирал служение ей. Влияние отца всегда опережало мои желания на десять шагов. Письмо брата о его кончине стало глотком воздуха в душном склепе. Я корил себя за эту вспышку облегчения – стыдную, недопустимую, – но она пробивалась наружу, неудержимая, как ураган за стенами собора. Отец был мёртв, но его воля всё ещё вела меня за руку.

И всё же даже власть покойного лорда Роквейна не объясняла главного: почему я здесь? Рядовые рыцари Ордена могли десятилетиями не видеть правителя, а я стоял в одиночном карауле за спиной императора. Драконы распорядились иначе, столкнув меня с императрицей Линнеей два года назад. Тогда я счёл это благословением. Теперь – проклятием. Она заметила меня, запомнила, приблизила – и теперь я стоял здесь, в пустом соборе, сжимая меч, который не был готов поднять. Позже, когда она взяла меня в личную охрану, то сама показала мне потайной ход – на случай, если когда-нибудь придётся бежать без оглядки.

Сейчас, наблюдая за неподвижной спиной правителя, я чувствовал лишь глухое недоумение. У него не было другой охраны. Мой меч казался мне нелепой игрушкой. Что я мог противопоставить настоящему врагу?

Но кроме императора в зале была ещё одна фигура, внушавшая безотчётный страх. Великий аббат Ламбер Янгрин возвышался на кафедре, медленно ощупывая толпу единственным здоровым глазом. О нём шептались разное: поговаривали, будто ради власти он продал душу Альтйорам и после смерти его ждут лишь бездонные муки в Марловазе. Я не верил сплетням, но под его взглядом цепенел, ощущая себя прозрачным. Ламбер приходился императору род-

ственником, но его глаза были лишены «имперского» золота. На меня смотрел холодный, оценивающий взгляд.

Закончив молитву, аббат кивком велел зажечь свечи. В нос ударил густой запах ладана и жжёного воска, оседая в горле горьким осадком. Я не смел даже кашлянуть.

Прихожане потянулись к выходу, испуганными тенями проскальзывая мимо стражи. С каждым открытием дверей внутрь вривался сквозняк, пробирая сквозь поддоспешник. Когда зал окончательно опустел, император усталым жестом откинул капюшон, поправив седые волосы с потухшей рыжиной – всё, что осталось от имперской крови.

– Ваше величество снова решило почтить мою проповедь, – произнёс Ламбер. В его голосе не было и тени почтения; он смотрел на правителя сверху вниз, как на затянувшуюся доuku.

Сцена была немислимой. За подобную заносчивость любого другого ждала бы плаха, но здесь, в холодном полумраке собора, правила Империи словно теряли силу.

– Ты, как и всегда, прозорлив, Ламбер, – отозвался император. Голос его звучал сипло, с болезненным хрипом.

– Что ж, не стану мешать вам и далее прославлять Шестерых.

Аббат направился к лестнице. Проходя мимо, он пронзил меня взглядом – коротким, как удар мизерикордии. Эфес меча стал скользким от пота. Ламбер скрылся в тенях. Мы остались одни.

– Корнелий, подойди, – позвал император.

Я подчинился, стараясь не скрести сапогами по плитам.

– Какой сегодня день?

В его голосе сквозило нечто новое – пугающая прозрачность.

– Пятнадцатое Альтйора девятьсот пятнадцатого года, – ответил я, пряча дрожащие руки за спину.

– Без формальностей. Ты не из той своры лордов, что исходит сейчас желчью в совете.

Голос Мирина звучал надломленно. Император медленно перевёл взгляд на изображение Сханны. Богиня Смерти смотрела на него в упор, холодная и равнодушная.

– Скажи, заслуживают ли жизни те, кто убивал ради высшей цели? – произнёс он тихо, будто обращаясь к трещине в алтарном камне.

Я затаил дыхание. Любое моё слово сейчас было бы кощунственным. Мирин крутил между пальцев седой ус, не отрываясь от лица Сханны.

– Простит ли этого человека супруга, чьего отца он погубил? – Хрип в его горле стал отчётливей. – И простит ли он сам себя за казнь братоубийцы, лишившего жизни его собственного отца?

Я молчал, оглушённый тяжестью этих признаний. Мои слова не имели веса.

– Тот день выжжен в моей памяти, – Мирин коротко, сухо рассмеялся, и этот звук был страшнее плача. – Стоял такой же мороз, так же бесновалось море. Столица гудела, охваченная празднеством, а убийца, ослеплённый триумфом, не замечал, как отсекает часть собственной души.

Ветер за стенами взвыл, и тучи проглотили остатки лунного света. Собор погрузился во тьму. Я слышал эти признания не раз, и каждый раз мне хотелось заткнуть уши. Мальчишке моего возраста не полагалось знать, сколько крови впитала в себя корона.

Тишину разорвали стремительные, тяжёлые шаги. Створки дверей с грохотом ударились о стены, впуская в собор яростный порыв стужи. Ветер слизнул пламя свечей, оставив лишь один дрожащий огонёк.

В храм ворвался принц Легендар. Его высокая фигура в дорожном плаще казалась огромной под низкими сводами. Но страшнее всего были его глаза – они горели расплавленным янтарём, не мигая.

– Отец. – Его голос прозвучал негромко, но в нём звенела сталь. – Какого Альтйора ты здесь?

– А разве для этого существует подходящее время? – отозвался император. Он даже не повернулся. Просто опустил плечи – как человек, который давно ждал удара в спину.

Долг взял своё. Я шагнул вперёд, пытаюсь встать между ними, и рука сама нащупала холодную сталь эфеса. Легендар даже не взглянул на меня.

– Корнелий, отойди, – негромко произнёс император. В его голосе не было злобы, только бесконечная усталость.

Я неохотно отступил, но ладонь так и осталась на эфесе. Кожа на загривке стянулась.

– Ты даёшь слишком много воли тем, кто её не стоит, – произнёс принц, подходя к алтарю.

– Преувеличение всегда было твоим изъяном, сын.

– Преувеличение?! – Легендар сорвался на крик. – Ты позоришь наш род! Лорды в Совете уже готовы глотки друг другу перегрызть, пока ты молишься!

Здесь, без свидетелей, он сбросил маску почтительного наследника.

– И что, по-твоему, Империя рухнет от того, что пара стариков заждалась вина? – Мирин наконец повернулся. Его лицо казалось высеченным из серого камня.

– Ты сам вырезал собственного дядю, чтобы сесть на трон. А теперь твердишь мне о традициях? – Голос принца упал до шёпота, и от этого шёпота стало холоднее, чем от крика. – Совет, который пригрела Риния, сожрёт нас, пока ты стоишь на коленях перед алтарём.

Я дёрнулся было вмешаться – оскорбление рода Роквейнов жгло не хуже огня, – но император резким взмахом руки пригвоздил меня к месту. Я замер. Воздух в соборе сгустился.

– Традиции – это кости, на которых держится Империя, – голос правителя оставался пугающе ровным.

Легендар ничего не ответил. Он смотрел на отца, и в его молчании было что-то окончательное. Я нутром почуял беду – запах, резкий, как воздух перед грозой. Наплевав на запрет, я напряг мышцы для броска.

Но император снова поймал мой взгляд. Его губы дрогнули – беззвучно, одними лишь губами: «Беги. Спаси её».

И в этот миг Легендар выхватил из-за пояса нож.

Сталь блеснула в свете последней свечи. Я услышал звук – короткий, влажный, – с которым клинок вошёл в плоть. Император выдохнул – глухо, животом, – и начал оседать на колени.

Мир взорвался.

Сначала – просто толчок. Горячий, тупой, будто в лицо врезался камень. А потом скула онемела, стала чужой, и рот наполнился солью и медью. Горячее залило глаз, и мир справа исчез – только багровая пелена. Я зажал лицо ладонью, пальцы наткнулись на что-то влажное, рваное. Звук стал ватным. Вкус крови – резкий, собственный. Меня шатнуло. Я услышал, как сталь моего меча скрежещет по каменным плитам, пытаюсь найти опору.

Сквозь пелену я видел, как император оседает на колени. Видел, как Легендар нависает над ним – спина прямая, движения спокойные, как у мясника, закончившего работу.

– Ну что, отец? – произнёс он ровно. – Вот тебе традиция.

И полоснул ножом по горлу, обрывая хрип и жизнь.

В голове не было мыслей. Было только тело – и тело помнило приказ, отданный раньше. Императрица. Бежать. Я рванулся к выходу. Ноги заплетались, меня швыряло от колонны к колонне. Каждый вдох отдавался в развороченной переносице свистом. По горлу текло горячим, густым. В дверях я обернулся: Легендар стоял над телом, не глядя в мою сторону. Я был для него ничем.

Снаружи ударил снегопад. Снежинки таяли на лице, смешиваясь с кровью. Холода я не чувствовал – только пульс в висках. В памяти застыл последний взгляд Мирина. Он смотрел

на сына, и губы его дрогнули, будто он хотел что-то сказать. Ресницы опустились медленно – словно он устал больше, чем от жизни.

Бежать. Лавка – сугроб. Ступени – лёд. Упал, разбив колени о камни. Встал. Снег обжёг рану ледяными иглами. Я сплюнул густую слюну с кровью. Дыхание сбилось до рвотного спазма, перед глазами плыло. Добраться. Только добраться.

У дворцовой стены меня шатнуло. К главным воротам нельзя – стража, расспросы, потерянные секунды. Нашупав в кладке знакомую выбоину – метку, вырубленную мной же год назад, – я навалился на скрытый рычаг всем телом. Камень нехотя поддался. Я рухнул в сырую темноту лаза, не закрыв проход, и рванулся вверх по винтовой лестнице.

Стены давили на плечи, воздух казался пыльным и спёртым, как в склепе. Лёгкие горели. Каждый вдох отдавался в ране горячими толчками. Я слышал свой пульс не в груди – в лице. Перед глазами всё ещё стояло лицо Мирина, залитое кровью. Это видение гнало меня вперёд, выше, через ступень за ступенью.

Когда я наконец вывалился из-за гобелена в коридоре жилого крыла, ноги стали ватными. Массивная дверь из морёного дуба – покои императрицы – казалась непреодолимой.

Я замер, пытаясь унять судорожное дыхание. Рука на холодной бронзовой ручке тряслась вместе со всем телом. Меня мутило. Что я ей скажу? Как произнести слова, которые обрушат мир этой женщины? Моё отражение в полированной панели двери – жуткое месиво из крови, кости и грязи – шептало: Ты не справился. Я, его щит и его тень, стоял здесь, живой и искалеченный, в то время как мой государь остывал на каменном полу собора. Но времени на искупление не было. За моей спиной в коридорах дворца уже просыпалась смерть.

В покоях царила вязкая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в камине. Императрица спала. Я замер у порога, боясь сделать шаг: этот миг безмятежности развеется, едва я открою рот. Глядя на её лицо, которое годы и тяготы власти будто обходили стороной, я ощутил забытый укол в груди – и память на секунду отбросила меня назад, в тот день, когда она впервые взяла меня за руку. Её глаза тогда были янтарными, «имперскими» – в них мерцали созвездия, точь-в-точь как те, на которые мы с братом засматривались в детстве. А теперь она лежала беззащитной, и старая преданность, вырванная с корнем ещё в казармах Ордена, шевельнулась во мне при виде этой беззащитности.

– К-кто здесь?.. – раздался тихий, сонный шёпот.

Я вздрогнул. Стоило ей приоткрыть глаза, как к моей шее прижалась холодная сталь. Её глаза оставались острыми даже спросонья, а в голосе не было сонной мягкости – только сталь.

– Кто здесь? Отвечай!

– Это я, госпожа. Корнелий.

– Корнелий? – Она с недоумением опустила нож. – О Шестеро... что с твоим лицом?

Она вскочила с постели в одной тонкой сорочке. Не обращая внимания на мои попытки отстраниться, коснулась моей щеки.

– Объяснись. – В её тоне звенел лёд. – Что произошло? Где мой муж? Почему ты здесь один?

– Император... он... – слова вырывались с хрипом. – Ваш сын. Легендар. Он убил его в соборе.

Она застыла. В её пальцах появился шёлковый платок, она коснулась моего лица, и я зажмурился, чувствуя, как намокает ткань – кровью, потом и чем-то ещё, горячим, чего я не мог остановить. Её дыхание прервалось. Губы дрогнули, обнажив зубы. И сжались в тонкую линию.

Она смотрела сквозь меня. Просто стояла и смотрела – бесконечно долго, пока я считал удары своего сердца. А потом медленно, очень медленно убрала руку с моего лица.

– Мирин всегда был слишком беспечен, – произнесла она, и голос её был тише шелеста снега за окном. Линнея мягко, почти неощутимо провела ладонью по моим волосам. Движение

было отстранённым, почти безвольным. – Лишь мои мольбы заставили его взять с собой хотя бы тебя. Не вини себя в смерти того, кто давно выбрал свой путь к могиле.

– Но Легендар... он не остановится! – Осознание того, что убийца может быть уже на пути сюда, заставило меня вскочить. – Он придёт за вами! За ребёнком!

Я смотрел на неё и видел, как ледяное сияние в её глазах становится беспощадным. То самое «имперское» пламя, но лишённое безумия её сына.

– Поверь, я знаю это лучше тебя. – Она выпрямилась. – Если мой сын решил воскресить самые гнусные из наших традиций... что ж. Пусть он захлебнётся в той крови, которую решил пролить.

Она замолчала. Легендар ещё не знал, что сегодня он проиграл. Но я знал это уже сейчас – потому что кровь на моём лице остывала, становясь маской, и впервые за эту ночь я перестал дрожать.

Глава 1

Винирион

30 Жнис 969 года город Лоронин

Пот из-под капюшона щипал глаза. Я шагал к темнице, липкими подошвами собирая горячую пыль. Запахивал плащ – не от солнца, от чужих глаз. Кулон качнулся под рубахой, холодный. Тот самый, что мать дала перед отъездом в Фольт.

Темница начиналась с низкой кованой двери, осевшей в землю так глубоко, что порог пришлось перешагивать с трудом. Из проёма тянуло плесенью и мокрым камнем. На мгновение я задержался. Там, наверху, ещё дрожал раскалённый воздух. Здесь, внизу, я не видел собственных ног.

– Стоять, – преградил путь стражник.

Я сунул ему серебряную марку, зажатую в потной ладони. Он подбросил её на ладони, хмыкнул – и убрал копье.

С каждым шагом дневной свет таял. Темнота сгущалась не только снаружи – она просачивалась внутрь, в грудь. Воняло застарелой мочой и плесенью. Запах прилип к нёбу, я дышал ртом, но легче не становилось.

Вдоль камер тянулись ржавые прутья. Из темноты смотрели. Я слышал дыхание, шёпот, иногда – тихий, захлёбывающийся плач. Кто-то просунул скрюченные пальцы сквозь решётку, попытался ухватить край моего плаща. Я дёрнулся, ускорил шаг. Отец. Мне нужен был отец.

В самой дальней камере, в углу, где плесень цвела жирными пятнами, я увидел его. Осушавшаяся фигура в треснувших очках. Одно стекло пересекала трещина – я помнил, как он уронил их на каменный пол в первый день ареста. Он сидел, уставившись в стену. Пальцы бездумно тёрли друг о друга, будто всё ещё пытались отмыть чернила, въевшиеся за годы писарем – только теперь под ногтями была не тушь, а грязь.

Я прижался лбом к холодному железу. Запах немытого тела и болезни ударил в нос.

– Отец... Это я. Винирион.

Голос прозвучал жалко, совсем не так, как я репетировал.

Он медленно поднял взгляд. Зелёные глаза, когда-то ясные, теперь были выцветшими. На миг в них вспыхнуло узнавание. Он рванулся к решётке, но тут же осел на грязную солому – ноги не держали. Я дёрнулся, ударился локтем о прут, боль отрезвила. Его пальцы, дрожа, вцепились в прутья. Я видел, как побелели костяшки.

Я просунул свёрток с едой, перехватив его руку, чтобы хлеб не рухнул в жижу. Кожа отца была сухой и горячей, как пергамент.

– Ты слишком рискуешь, Винирион... – прохрипел он. – Но всё равно... спасибо.

Я смотрел на сломанные очки, на грязь под ногтями, на синяки от кандалов.

– Как мать? – спросил он, с трудом проглатывая сухой кусок.

– С каждым днём всё хуже.

Отец опасливо покосился на дверь, подался вперёд. От него пахло болезнью, горячее дыхание обожгло мне щеку – я не отстранился.

– Вчера я слышал их разговор, – прошептал он. – На центральной площади плотники ладят помост. Генерал Новусай, чтоб его, хочет показать, что ждёт бунтовщиков. Через пять дней всё будет готово.

В ушах зашумело. Собственное сердце заглушило его голос – я видел, как шевелятся его губы, но слышал только гул. Новусай. Помост. Пять дней. Он уже мёртв. Просто ещё дышит.

Мама сказала – он уберёжет. Не уберёт.

Я сунул руку за отворот плаща. Сжал кулон. Грани впились в ладонь. Тёплая кровь закапала на грязный пол.

Отец опустил взгляд. Увидел капли, расплзающиеся по камню, и на миг замер – не от страха, от понимания. Потом отвёл глаза – медленно, будто у него не осталось сил даже на этот жест. Губы дрогнули, но он ничего не сказал. Просто закрыл глаза и кивнул – едва заметно.

Я не чувствовал ничего. Только усталость.

Покашливание стражника вывело меня из оцепенения. Пора было уходить. В камере стало темнее. Я различил только блик на треснувшем стекле очков.

– Я бы на твоём месте больше здесь не появлялся, – негромко сказал стражник у выхода.

Я вздрогнул. В его взгляде читалась жалость. Жалость, подохни она в Марловазе. Я протянул вторую марку. Он не взял – просто отступил в тень, но в последний миг я поймал его взгляд. Он не отводил глаз. Смотрел мне вслед, пока я поднимался по ступеням.

Я шагнул в палящий зной. Сама богиня огня дышала в спину городу. Марка всё ещё была в потной ладони – я так и не убрал её.

Улицы Лоронина казались вымершими. Редкие прохожие жались к стенам. Из центра города доносился мерный, отчётливый стук топоров. Плотники Новусая работали на совесть. Я шёл, не оборачиваясь.

Дома пахло застоявшейся сыростью. Мать встретила меня на пороге – поседевшая, с тонкими ледяными руками. Она обняла меня, и я почувствовал, как дрожат её пальцы. От неё пахло сушёной мятой – она всегда заваривала её, когда беспокоилась, хотя мята давно кончилась.

Мы прошли на кухню. Я сел напротив и заглянул в её янтарные глаза – точное отражение моих собственных. Из-за этих глаз нас и не любили в городе.

– Как отец? – спросила она.

Я не хотел пересказывать услышанное. Но неведение было бы страшнее. Я выложил всё прямо.

– По слухам, в центре города собирают помост для казней. Через пять дней все работы закончат.

Её пальцы сжали край стола, побелели – и разжались. Она сняла с огня чайник – привычка, оставшаяся от прежней жизни, где ещё была мята, – поставила на холодную плиту. Провела ладонью по моей щеке – быстро, почти испуганно – и ушла. Дверь в спальню закрылась с тихим щелчком, не хлопнула, просто отделила её от меня.

Щека ещё горела от её прикосновения. Я не вытирал его – просто сидел и слушал. За дверью не плакали. Там было тихо, и эта тишина была страшнее любого крика.

Я перевёл взгляд на чайник. Холодная плита. Она не заваривала мяту. Она просто стояла здесь и ждала меня.

Глава 2

Винирион

4 Винириона 969 год город Лоронин

Толпа гудела – густо, вязко, забиваясь в уши и мешая думать. Вечерний зной так и не спал; раскалённый воздух дрожал над камнями, смешиваясь с запахом пота и кислого вина. Я пробивался локтями, не глядя на лица, чувствуя только толчки и глухое сопротивление чужих тел. Кто-то наступил мне на ногу, кто-то толкнул в плечо – я не оборачивался. Люди стояли так плотно, что между ними нельзя было протиснуться, не коснувшись чужого пота, чужого дыхания, чужого возбуждения.

В центре площади высилось оно. Не просто помост – гора поленьев, сложенных острым конусом, как для чудовищного жертвенного костра. От свежего дерева остро разило смолой. Я сглотнул. В пересохшем горле что-то царапнуло. В висках застучало, и я привычным движением нашарил под рубахой кулон. Камень был холодным. Пока только холодным.

Мать не пережила бы этого зрелища. Ей оставалось от силы пара месяцев, но если сегодня случится то, о чём шептался весь город... Я сжал камень до боли. Холод хлынул в ладонь, поднимаясь к сердцу – медленный, парализующий. Страх за мать отступил, стал чужим, словно я смотрел на него сквозь толстое мутное стекло.

Я не понимал, как работает этот камень. Мать знала, но молчала. Тайное наследство, доставшееся от её матери. Единственная опора в мире, где всё пошло прахом.

На край эшафота вышел человек. Тёмные волосы, глубоко посаженные карие глаза – такие не встретишь в Лоронине. Таомелиец. Кожа смуглая, обветренная, нос с горбинкой. Солдаты вытянулись перед ним в струнку, и я понял: это он. Тот, о ком говорили шёпотом, кого проклинали в кабаках и чьё имя матери использовали, чтобы пугать детей. Генерал Новусай.

Он поднял руку – не резко, а медленно, почти лениво, – и площадь стихла. Тишина накрыла толпу, как саваном.

– Жители Лоронина! По приговору военного трибунала за измену, мятеж и попытку подрыва устоев...

Голос звучал ровно, без эмоций. Я перестал дышать. Каждое слово как гвоздь – глухо, намертво, навсегда. Он читал приговор так, будто зачитывал список закупок для гарнизонной кухни.

– ...виновные приговариваются к очищению пламенем!

Толпа вздохнула – единым, жадным выдохом сотен глоток. Я видел, как люди подаются вперёд, как загораются их глаза. Они ждали зрелища. Женщина рядом со мной привстала на цыпочки, чтобы лучше видеть. Мужчина позади неё облизнул губы. Я отвернулся.

Тяжёлые двери ратуши отворились. Солдаты вывели пятерых. Кандалы гремели по булыжнику – позорный, мерзкий звук. Я смотрел только на отца. Он шёл без очков, прищурившись от закатного солнца, и его взгляд блуждал по толпе. Не искал меня – я знал. Молился, чтобы меня здесь не оказалось. Губы его едва шевелились.

Их привязывали к столбам долго. Слишком долго. Каждое движение солдат было мучительно-чётким, как в дурном сне. Верёвки врезались в запястья. Хворост хрустел под ногами. Один из осуждённых, молодой парень, кричал и вырывался, пока ему не заехали древком копья в живот. Другой плакал. Третий молился. Четвёртый просто стоял с закрытыми глазами. Отец молчал. Только пальцы его дрожали – мелко, неостановимо.

Чья-то рука сжала мой локоть. Железной хваткой.

– Стой, дурак.

Я обернулся. Бьер. Тот самый стражник, что пропускал меня в темницу. Лицо у него было белое, как известь. Он тяжело дышал, словно пробивался ко мне через всю толпу.

– Посмотри наверх.

На крышах, на карнизах – везде. Арбалетчики. Десятки нацеленных в толпу болтов. Один неверный жест – и начнётся бойня. Я видел, как один из них, на крыше пекарни, поправлял прицел, переводя его с одного края площади на другой. Размеренно, словно на плацу.

– Уходи, Винирион. Ты ничего не изменишь. Только себя погубишь и мать оставишь одну.

Я вырвал локоть. Слова долетали откуда-то издалека, не задевая. Я не мог уйти. Не мог бросить его одного в этой своре. Я обязан был смотреть. Запомнить каждую секунду, каждую искру. Если я сейчас отвернусь – кто тогда запомнит?

Солдат поднёс факел. Я видел, как дрожит его рука – то ли от страха, то ли от важности момента. Пламя беспокойно металось на ветру. Солдат медлил, пламя лизало край хвороста и гасло. Новусай вырвал у него факел и швырнул сам – резко, почти брезгливо. Он не смотрел на осуждённых. Он смотрел на толпу – проверял реакцию.

Пламя взревело. В один миг оно сожрало всё: дым, надежду, молитвы. Воздух наполнился запахом палёной шерсти и горелой плоти. Толпа взвыла. Кто-то кричал от ужаса, кто-то – от восторга, и эти крики смешивались в омерзительный нестройный гул. Какая-то женщина, прижимая к себе ребёнка, выкрикивала проклятия. Старик рядом размахивал клюкой и славил Императора.

Я ничего не слышал. Я смотрел, как фигура отца чернеет, теряет форму, оседает в ревущем золотистом мареве. Жар опалял лицо даже на расстоянии. Кулон на груди стал ледяным. Он выпивал из меня всё – боль, ярость, страх. Оставлял только холодную, чистую ненависть.

Тот мальчик, что когда-то мечтал вернуться из Фольта домой, сторел на этом костре вместе с отцом.

Остался только холод.

Я не помнил, как добрался до дома. Бьер тащил меня, дёргал за рукав, что-то говорил – я не слышал. Его голос доносился словно сквозь толщу воды. Мир стал плоским, выцветшим. Краски исчезли, звуки – тоже. Я переставлял ноги, потому что он тянул меня за собой, но не чувствовал ни камней под сапогами, ни ветра в лицо. Только холод кулона на груди. Только он оставался настоящим.

В доме было тихо. Неправильно тихо. Я стоял на пороге, чувствуя, как пульсирует кулон, и не решался войти. Бьер вошёл первым. Его шаги простучали по коридору, и каждый стук отдавался в голове.

– Айден?.. Госпожа Айден?

Ответа не было. Я прошёл в спальню. Мать лежала на кровати, на боку, поджав колени к животу – так, как засыпала в последние дни. Но сейчас в этой позе было что-то неестественное, окончательное. Слишком неподвижное. На лице застыла привычная маска боли, ставшая вечной.

Я коснулся её щеки. Кожа была ещё тёплой. Совсем тёплой. Она ушла недавно – может быть, как раз в тот миг, когда толпа взвыла, приветствуя огонь.

Пальцы её сжимали пергамент. Я бездумно разжал их – они уже начали коченеть – и сломал печать. Тяжёлую, с гербом, которого я никогда не видел. Строчки плясали перед глазами. Я прочитал раз. Потом ещё раз. Смысл доходил медленно, как вода сквозь плотную ткань.

«Дорогая Айден. Я знаю, что ваша семья долгое время помогала мне... В знак моей признательности я лично навещу вас в начале осени...»

Я не знал этого человека. Не знал, кому помогала мать. Но его генерал сжёг моего отца. Бьер заглянул через плечо. Лицо его застыло.

– Это печать бургомистра... – выдохнул он. – Теперь нас всех найдут.

И, не дожидаясь ответа, рванул к двери. Его шаги простучали к выходу и стихли.

Я смял письмо. Отпустил кулон.

Боль хлынула разом – не потоком, не волной. Обвалом. Я сполз по стене, зажимая рот ладонью, чтобы не взвыть в голос. Слёзы жгли глаза, грудь рвало изнутри рыданиями – дикими, животными, которые нельзя ни остановить, ни скрыть. В этом пустом доме, пропахшем гарью и смертью, я остался совсем один.

И впервые в жизни мне было плевать, слышит ли кто-то мои крики.

Глава 3

Винирион

11 Винириона 969 год город Лоронин

Карета подпрыгнула на выбоине, и я вцепился в сиденье. Пальцы заныли в суставах, ткань сиденья под ними была влажной и липкой. Пахло плесенью, кислым вином и старой кожей. Запах въелся в дерево и ткань так глубоко, что его не выветрить. Я смотрел на свои руки, сжимавшие край сиденья, и думал, что такая же карета везла меня прочь от дома. Теперь это не имело значения.

За окном проплывали серые, выпотрошенные улицы Лоронина. Город, который я знал, сдох. Остались только тени – редкие прохожие жались к стенам, не поднимая голов. Там, где раньше торговали пирогами, теперь стояла пустая телега с задранными оглоблями. Лавка кра- сильщика зияла выбитыми окнами. На углу, где когда-то сидел нищий с деревянной миской, теперь лежала груда мусора. В сгорбленных спинах прохожих я узнавал ту же пустоту, что теперь разъедала меня изнутри.

– С тобой всё в порядке, парень?

Голос прозвучал резко, как щелчок хлыста. Я перевёл взгляд на человека напротив. Эдвин. Массивный, грузный, он заполнил собой половину кареты. Лунный свет, пробивавшийся сквозь щели штор, выхватывал его жёсткие волосы цвета ржавчины. Глаза – глубокие, зелёные, с зеленоватым отливом, какой бывает у стоячей воды в заброшенном колодце – смотрели без тепла. Оценивали. Подсчитывали.

Ни один торговец не смотрит так. Этот знал цену вещам. И людям.

– Да, господин Эдвин.

Я соврал. Всё случилось в точности по тому письму – тому, что я нашёл в окоченевших пальцах матери. Когда колёса зашуршали по щебню у дома, я уже никого не ждал. Думал – стража. Или мародёры. Но в дверь вошёл он. Оглядел тело на кровати – без удивления, без безразличности. Его взгляд скользнул по мёртвому лицу, как по строчке в бухгалтерской книге. Просто кивнул каким-то своим мыслям.

«Собирайся», – бросил он тогда.

И я подчинился. Потому что у мертвецов не просят совета.

Рука под плащом привычно нашарила кулон. Я сжал его, и холод потёк по венам – медленный, знакомый. Давление в груди, которое душило с того самого костра, чуть отступило. Я знал, что камень делает со мной, и всё равно сжимал его снова и снова.

– Как давно это случилось? – спросил Эдвин. Он по-прежнему смотрел в окно, на проплывающие мимо тени.

– Пару дней назад.

– Я уже отправил людей. Её похоронят достойно. На городском кладбище, со всеми полагающимися обрядами.

– Спасибо.

Слово вышло сухим, как стук кости. Я не знал, за что благодарю. За то, что тело матери не бросят в общую яму? За то, что этот человек вообще приехал? Мотивы его оставались во мраке. Вежливость была единственным щитом, который я мог выставить. Может, он ждал слёз. Может, ждал благодарности. Я не дал ему ни того, ни другого.

– Мы едем в моё поместье, – продолжал Эдвин, и его губы тронула сытая улыбка. – Недавно назначенному бургомистру небезопасно жить в самом сердце города.

Я сжал кулон сильнее. Бургомистр. Тот, кто насаживает головы на пики у ворот. Холод из камня хлынул сильнее, притупляя вспышку ярости, оставляя только пустоту и вопрос: что

ещё ему от меня нужно? Зачем он приехал лично? Зачем забрал меня? Почему не оставил в том пустом доме дожидаться кредиторов или имперского патруля?

Карета резко замерла. Снаружи – крики, топот, звяканье оружия. Я дёрнулся к окну, но Эдвин даже не шелохнулся. Его спокойствие пугало больше, чем любая засада. Он сидел, закинув ногу на ногу, и рассматривал свои ногти. Как будто ничего не происходило.

Дверца распахнулась. В проёме выросла фигура – старик в доспехе, с рваным шрамом через всё лицо. Шрам стягивал кожу в жуткую маску, делая одну половину лица неподвижной. Вторая смотрела холодными, прозрачными глазами.

– Давно не виделись, Эдвин, – голос у него был как скрежет гранитных плит.

– Разве, сэр Корнелий? А мне казалось – только вчера.

Рукопожатие вышло коротким, жёстким. Я заметил, как пальцы Эдвина побелели под хваткой рыцаря.

Старик перевёл взгляд на меня. Его глаза ощупали лицо, одежду, задержались на том месте, где из-под плаща выскользнул кулон. Чёрный камень тускло блеснул в свете факелов.

Корнелий медленно сузил веки. В его взгляде мелькнуло что-то – не удивление, а скорее мрачное подтверждение давней догадки.

– Его имя Винирион, – произнёс Эдвин ровно. – Сын нашего старого знакомого.

– Что ж, приятно видеть хоть кого-то в здравии, – Корнелий протянул руку.

Его ладонь была жёсткой, как дублёная кожа, с мозолями у основания пальцев и на подушечке большого. Человек, проживший жизнь с мечом в руке. От него веяло холодной, выверенной дисциплиной – не враждебной, но и не дружеской. Я пожал руку, чувствуя, как его пальцы смыкаются вокруг моих. Этот старик знал что-то. И это «что-то» было связано со мной.

– Что ты забыл на этой дороге в такой час? – Эдвин подался вперёд.

– Позвольте погостить пару седмиц в вашем поместье, господин бургомистр. – В голосе Корнелия проскользнула сухая ирония.

Они замерли, глядя друг на друга. Между ними, как натянутая струна, вибрировала опасная игра, правил которой я не знал. Тишина стала почти осязаемой, пока Эдвин не нарушил её коротким смешком.

– Что ж, не вижу причин для отказа.

Карета покатила дальше. Я смотрел в окно на проплывающие мимо деревья и сжимал кулон. Холод вытягивал меня из реальности, и это было к лучшему. Колесо попало в очередную яму, карету тряхнуло, но я почти не заметил.

Двор поместья выглядел как насмешка. Стриженные кусты – ровные, как солдаты на параде. Дорожки, выложенные белым камнем. Фонари, горящие в такт друг другу, словно кто-то следил за тем, чтобы ни один не мерцал ярче соседнего. Война, захлестнувшая остров кровью и гарью, разбилась об эти стены, не оставив ни царапины. Я ступил на щебень, и каждый шаг отдавался в ушах громким хрустом.

Ни одного сгоревшего куста. Ни одной трещины в штукатурке. Здесь не было войны – здесь её замазывали извёсткой. Даже запах был другим – не гарь, не гниль, а свежескошенная трава и что-то сладковатое, может, жасмин.

Навстречу вышла женщина. Высокая, с волосами цвета тусклого серебра. Осанка, поворот головы – что-то в ней напомнило мне мать. Сердце глухо ударило в рёбра, но женщина шагнула в свет фонаря, и наваждение рассеялось. Глаза у неё были карие. Чужая. Всё здесь было чужим.

– Добро пожаловать, Винирион. Я Кармина, экономка. Идём, я провожу тебя в твои покои.

Её голос обволакивал, а улыбка казалась искренней. Но меня передёрнуло. Это липкое дружелюбие раздражало не меньше, чем расчёт Эдвина. Она смотрела на меня, как на найдё-

ныша, которого нужно обогреть и накормить, прежде чем пристроить к делу. Она взяла меня за руку и повела внутрь.

Поместье встретило гулкой, давящей тишиной. На стенах – портреты хозяина. Эдвин смотрел с них самодовольно и пусто, преследуя меня из рамы в раму. Вот он на охоте, вот он в окружении семьи, вот он один – рука на эфесе, подбородок вздёрнут. Слуги косились с жадным любопытством, перешёптывались за спиной. Я ловил обрывки фраз: «...сын переписчика...», «...отца сожгли...», «...мать тоже того...». Голоса смолкали, стоило Кармине обернуться.

На очередном повороте я споткнулся, вырвавшись из цепкой руки Кармины. И увидел её.

Она стояла в тени тяжёлой портьеры – неподвижная, как часть самой кладки. Девушка с глазами цвета молодой хвои. Её взгляд впился в моё лицо, и внутри что-то надломилось – странное, болезненное чувство узнавания, которого не могло быть. На периферии сознания мелькнули обрывки чужих голосов, тени мест, где я никогда не бывал. Каменный пол в клетку – чёрную и белую. Запах чернил. Всё это пронеслось за долю секунды и исчезло.

Кулон под рубахой потеплел – впервые за всё время. Я прижал его ладонью, но тепло не уходило.

Она молчала. Я молчал. Запах её духов – терпкий, горьковатый – смешивался с пылью старого особняка, и от этого воздух казался гуще. Я не мог отвести взгляд. Не мог сделать шаг. Что-то держало меня на месте – не страх, не любопытство. Скорее узнавание. Неправильное, невозможное, но – узнавание.

– Госпожа Аврора, – Кармина согнулась в подобострастном поклоне. – Ваш отец просил вас подготовиться к ужину.

Аврора не шелохнулась. Она скользнула по мне взглядом – небрежно, как по предмету обстановки, – и прошла мимо. Её плечо почти коснулось моего. На долю секунды её губы дрогнули, беззвучно вытолкнув слово – и сжались в линию, будто она пожалела о сказанном.

Я замер, глядя ей в спину. Тёмно-рыжие волосы, прямая спина, шаг – уверенный, но какой-то деревянный. Она шла, как человек, который давно привык не оглядываться. Пока Кармина снова не вцепилась в мой локоть.

– Идём, Винирион. Не стоит заставлять господина Эдвина ждать.

Она повлекла меня дальше по коридору – прочь от странного видения, напрямиком к дверям моей новой золочёной клетки.

Глава 4

Аврора

11 Винириона 969 год город Лоронин

Коридор тянулся бесконечно. Я шла быстро, почти бежала, но шаги всё равно тонули в тишине – ковры, гобелены, толстые стены гасили любой звук. Здесь всегда было тихо. С тех пор, как не стало мамы, эта тишина стала другой. Гуще. Она не обволакивала – она давила, как вода на глубине. Каждый мой вдох отдавался в ушах, и я считала их, чтобы не сорваться.

Слёзы подступили к горлу, как всегда некстати. Я прикусила щёку изнутри – резко, до боли – и заставила их отступить. В этом доме плакать было нельзя. Отец называл это слабостью. А слабость он презирал. Я помнила, как однажды, через пару дней после похорон, он застал меня заплаканной в библиотеке. Он ничего не сказал. Просто посмотрел – и вышел. Этот взгляд был хуже крика.

Я едва не столкнулась с Карминой. За её спиной кто-то стоял.

Наши взгляды встретились, и я забыла, как дышать.

Янтарные глаза. Те самые. Я видела такие только однажды – у матери, когда она ещё была жива, и этот свет ещё не угас. Глубокие, с золотыми искрами, которые не могли скрыть ни тени, ни время. На фоне чёрных волос они горели, как два угля, и меня пробрало дрожью – не от сквозняка, а откуда-то изнутри. По спине побежали мурашки, а пальцы сами вцепились в складки платья.

Он был чужой. Но что-то внутри узнало его. Что-то, чего я не знала и не понимала. Как будто в груди дёрнулась давно забытая нить, связывавшая меня с чем-то, что я похоронила много лет назад.

Я рванулась мимо, почти прижимаясь к стене. Холодный камень коснулся плеча сквозь ткань платья. Какое-то слово сорвалось с губ, но я не услышала его – просто бессвязный выдох, который утонул в стуке моих шагов. Сердце колотилось где-то в горле. Я неслась по коридору, не глядя на слуг, что тенями жались к стенам. Одна из служанок что-то спросила – я не ответила.

Двор встретил колючим осенним ветром. Он ударил в лицо, и я на мгновение зажмурилась, чувствуя, как холод отрезвляет. Я знала, куда идти.

Отец сидел в беседке. Его грузный силуэт темнел на фоне стриженных кустов – аккуратных, мёртвых в своей симметрии. Каждая ветка здесь была подрезана под линейку, каждый лист знал своё место. Как и я. Рядом маячила фигура сэра Корнелия. Я замерла в тени старого тиса, чувствуя, как колючая шерсть платья царапает запястья. Запах тиса был горьким, почти ядовитым.

Я ждала, пока рыцарь уйдёт. Его шаги простучали по щебню и стихли. Сухой стук веток над головой на мгновение перекрыл шум ветра.

– Аврора, это ты?

Голос отца. Раздражённый, как всегда. Слово само моё существование было для него неудобством, отвлекающим от важных дел.

Я вышла на свет, обозначила формальный поклон. Этому меня научили рано – кланяться, когдаходишь, молчать, пока не спросят, не показывать слёз.

– Да, отец.

– Что тебе нужно? Неужели твои нужды не способны унять слуги?

Я пропустила вопрос мимо ушей. Он всегда так говорил – будто я была вещью, которая требует слишком много ухода. С тех пор как мама умерла, он стал другим. Или, может быть, он всегда был таким, просто мама смягчала его, а теперь некому.

– Кто тот парень, которого провожала леди Кармина?

Отец не обернулся. Он помешивал ложечкой в чашке – чай давно остыл, но он продолжал это размеренное, раздражающее движение.

– Не твоё дело, Аврора.

Я знала: стена. Он всегда отвечал ровно столько, чтобы я отстала.

Я уже развернулась к дому, когда в спину ударил его голос:

– Если уж тебе так не терпится – его зовут Винирион. Остальное услышишь за ужином.

Ехидство в его тоне было липким, тошнотворным. Я знала, что за этим последует – очередная игра, очередная демонстрация власти. Он любил разыгрывать меня, как фигуру на доске своей бесконечной партии. Бросал кость – и смотрел, как я побегу. Иногда мне казалось, что я для него – напоминание о матери, и за это он меня ненавидит.

Я пошла к дому. Щебень хрустел под туфлями, ветер трепал волосы. Ноги несли меня сами, а голова гудела.

Винирион. Это имя ничего мне не говорило. Но те глаза... В них было что-то, что я уже видела. Когда-то. В прошлой жизни, где мама ещё была жива, а я умела смеяться. Где не было этого дома, этой давящей тишины, этого вечного холода.

Там, в той жизни, был кто-то с такими же глазами. Я помнила смутно: мальчик, который утешал меня когда-то. Его лицо стёрлось, но глаза – янтарные, те самые – я не могла забыть. Словно они впитались в память отдельно от всего остального.

Я сжала виски ладонями. Нет. Это невозможно. Тот мальчик остался в прошлом, как и всё остальное. Как моя свобода, как моё имя, как моя жизнь.

Я почти бежала через сад, не чувствуя ни ветра, ни холода. Взбежала по лестнице, захлопнула дверь своей комнаты.

Прислонилась спиной к стене и медленно сползла на пол. Пальцы сами нащупали холодный камень – я провела по нему, пытаясь унять дрожь. Та девочка, которую он когда-то утешал, ещё не умерла. Она сидела сейчас в этой комнате и боялась поверить.

Глава 5

Винирион

11 Винириона 969 год город Лоронин

Ожидание тянулось медленно. Я мерил шагами комнату – четыре шага до стены, четыре обратно, – и с каждым кругом тишина давила сильнее. Половицы не скрипели. Дом был слишком хорошо построен, слишком дорого обставлен, чтобы издавать лишние звуки. Смерть родителей всё ещё сидела где-то под рёбрами, глухая и неподвижная, но сейчас её перебивала дружная тяжесть. Тревога. Я не знал, чего ждать от этого ужина, и неизвестность скручивала нутро туже, чем любая определённая.

На кровати лежала одежда. Дорогой чёрный лён. Туника и штаны – в тон моим волосам. Я усмехнулся, глядя в зеркало. Хозяин дома позаботился, чтобы я выглядел подобающе своему положению. Тень. Декорация. Ещё одна фигура в его бесконечной партии. Я провёл пальцами по ткани – она была непривычно мягкой после той грубой шерсти, что я носил в Фольте и дома. Даже одежда здесь была чужой, как и всё остальное.

Я переоделся. Ткань легла на плечи чужим весом – слишком лёгкая, слишком дорогая для того, кто ещё вчера спал в пропахшей дымом каморке.

За окном сад уходил в темноту, растворяясь в густом лесу на границе поместья. Я распахнул створки – ветер пахнул прелой листвой и сыростью. Где-то в глубине сада прокричала ночная птица, и ей ответила другая. Рука привычно нашарила кулон. Холод пробежал по пальцам, поднялся к запястью и затих. Я почти не замечал этого движения теперь. Оно стало частью меня, как дыхание, как сердцебиение.

В простенке между окнами темнела фреска. Дракон. Вечный символ Империи. Его крылья были расправлены, пасть приоткрыта в беззвучном рыке. Я смотрел на него и думал о том, что сейчас с удовольствием проклял бы всех – и крылатых тварей, и людей, что прячутся за их ликами. Даже Сханна, чей лик темнел на той же фреске, не вызывала ничего, кроме глухого безразличия. Я знал, что рано или поздно встречу с ней. И знал, что ей будет так же плевать на меня, как было плевать на мольбы моих родителей. Может, уже сейчас – плевать. Может, она вообще не смотрит в эту сторону.

Стук в дверь – тихий, почти робкий.

– Простите, – служанка поклонилась, не поднимая глаз. Та самая, что попалась мне в коридоре. – Госпожа Кармина просила поторопиться.

Я не ответил. Вышел в коридор и двинулся за ней. Её шаги были быстрыми, семенящими. Она вела меня через череду комнат, и стены здесь давили. Позолота, лепнина, бесконечные портреты Эдвина в тяжёлых рамах – всё это было декорациями в чужом спектакле, где мне отвели роль без слов. Я смотрел на эти лица – все как одно, с одинаковой самодовольной полуулыбкой, – и думал, сколько золота ушло на эти рамы. Хватило бы, чтобы выкупить отца из темницы. Хватило бы на лучших лекарей для матери. Но золото тратили на портреты.

Служанка исчезла, свернув в боковой проход, а я остался один в пустом переходе. Здесь висела всего одна картина – и она была чужой этому дому. Я понял это сразу, ещё до того, как разглядел лица.

Женщина и девочка. Рыжие волосы, у старшей – глаза, почти как у моей матери, но с каким-то потусторонним отливом. Может, так рисовали тех, кто уже умер. У девочки пряди темнее, и в лице уже угадывалась тяжёлая кость Эдвина – тот же подбородок, те же надбровные дуги. Но глаза – зелёные, глубокие – были её собственными.

Я стоял и смотрел. Шесть лет назад, в Фольте, я знал кое-кого с такими же глазами. Знал – и потерял. Она исчезла без следа, без записки, без прощания. Просто однажды утром её койка оказалась пуста, а комендант сказал, что студент Грегори отчислен по семейным обстоя-

ствам. Я искал её потом – писал письма, расспрашивал знакомых. Никто ничего не знал. Глупо было сейчас ворошить прошлое. То, что сдохло тогда, уже не воскресить.

Шаги за спиной. Я обернулся.

Она стояла в нескольких шагах – живое отражение ребёнка с картины. Выросла, но взгляд остался прежним. Те же глубокие зелёные глаза. Та же неподвижность – как у человека, который привык ждать плохих новостей.

– Винирион, если не ошибаюсь.

Голос был странно отстранённым, будто говорила не она, а кто-то через неё. Кукла, наученная произносить слова.

– Госпожа Аврора.

Я изобразил неуклюжий поклон. Прозвучало как издёвка, но мне было плевать. Этикет был для меня таким же чужим, как и эта одежда.

– Можно просто Аврора.

Она смотрела на меня, и в её глазах я увидел то, чего не ожидал. Пустоту. Ту самую, что поселилась во мне после костра. Зеркальное отражение моей собственной боли. На миг мне показалось, что она понимает всё без слов – понимает, что такое терять, что такое гореть изнутри и не иметь возможности кричать. Но я тут же одёрнул себя. Дочь Эдвина. Кровь от крови моего тюремщика. Её боль – не моя забота.

– Тебя ведь тоже зовут просто Винирион?

Вопрос ударил по больному. Кем я был теперь? Слухи о цвете моих глаз всегда бесили меня – никаких доказательств, кроме золотистого блеска, у них не было. Я перевёл взгляд на её лицо, ища следы той же породы. Если бы не глаза, она выглядела бы куда более типичной представительницей имперской знати, чем я когда-либо смогу. И дело было не только во внешности – в осанке, в повороте головы, в том, как она держала руки. Так держат руки люди, которых с детства учили, что они выше других.

Тишину разорвали шаги. Тяжёлые, уверенные – они разносились по коридору, как удары молота. Из тени коридора выплыл Эдвин. На его лице играла обычная ехидная усмешка. Я заметил, как изменился воздух вокруг него – стал плотнее, холоднее.

– Винирион. Рад, что ты не заставил нас ждать.

Дочь он не удостоил даже взглядом. Просто развернулся и двинулся впереди, как монарх, ведущий процессию. Его шаги задавали ритм, и мы пошли следом – она по левую руку, я по правую.

Коридор сузился. Я чувствовал, как Аврора идёт рядом, почти касаясь плечом. Её пальцы – ледяные, дрожащие – вдруг скользнули по моей ладони. Лёгкое, почти невесомое прикосновение. Инстинктивный поиск опоры. Так хватаются за поручень, когда корабль качает. Я не отстранился. Не показал виду. Но что-то внутри дрогнуло – не жалость, скорее узнавание. Я знал это чувство: когда давление того, кто идёт впереди, так велико, что хочется схватиться за что угодно, лишь бы не упасть.

Мы вошли в столовую. Роскошь здесь была вызывающей – злая насмешка над серостью города за стенами. Запечённые кролики в золотистом жиру, горы пирогов, редкие сыры, фрукты, которым не место в осеннем Лоронине. Свечи горели в тяжёлых канделябрах, и их свет отражался в серебряных блюдах. Пахло специями, жареным мясом, дорогим вином. Меня мутило. Я вспомнил запах темницы, запах горелой плоти с площади – и здесь, среди этого пиршества, он показался мне почти родным.

Эдвин занял место во главе стола. Аврора села по левую руку, я – напротив неё, по правую.

– Насколько мне известно, ты учился в Фольте, – произнёс Эдвин, не сводя с меня тяжёлого взгляда. – Как и мой сын. Жаль, что Дорина сейчас нет.

Аврора вздрогнула. Чаша звякнула о тарелку – резко, пронзительно. Я заметил, как она спешно убрала руку под стол, и в её глазах мелькнула странная смесь страха и голода. Упоминание брата задело её сильнее, чем она хотела показать. Пальцы её сжались в кулак, и я видел, как побелели костяшки.

– Если желаешь продолжить обучение, Кармина займётся историей и риторикой. Сэр Корнелий – фехтованием и стратегией.

Я смотрел в его мутные глаза и не видел там ни тени заботы. Только расчёт, суть которого я пока не мог разгадать. Мне указывали, чем я буду заниматься, словно распределяли обязанности нового слуги. Я не спорил. Огонь внутри меня рано или поздно выгорит без цели, а этого я допустить не мог. Пусть учат. Пусть думают, что лепят из меня что-то полезное. Когда-нибудь я использую эти уроки против них.

Еда на вкус была как пепел. Я жевал и глотал, не чувствуя ничего. Мясо, хлеб, сыр – всё превращалось в одинаковую безвкусную массу, которую приходилось проталкивать через силу. Я запивал её вином, но оно только обжигало горло, не принося ни тепла, ни опьянения.

В дверь забарабанили. Тяжело. Требовательно. Так стучат люди, которые не привыкли ждать.

В зал вошёл человек в тёмных кожаных доспехах, пахнущих конским потом и железом. На груди – буква «Н». Гонортская. Таомелийская. За его спиной маячили ещё двое, но они остались в коридоре.

Я поднял взгляд на его лицо – и узнал. Внутри всё оборвалось и рухнуло вниз, будто пол ушёл из-под ног. Воздух стал вязким, как горячая смола, – я не мог вдохнуть.

Жёсткие, словно высеченные из скалы черты. Глубоко посаженные глаза, привыкшие смотреть на людей сверху вниз. Тот самый человек. Тот, кто вырвал факел у солдата. Тот, кто швырнул его в хворост – небрежно, почти брезгливо. Тот, кто стоял и смотрел, как пламя пожирает моего отца.

– Генерал Винирий Новусай, – произнёс Эдвин, поднимаясь. – Рад видеть вас в здравии.

Моя рука сама метнулась к кулону – быстрее мысли, быстрее дыхания. Пальцы сжали камень с такой силой, что острые грани пронзили кожу. Я почувствовал, как тёплая кровь побежала по ладони, но боль была далёкой, приглушённой. Холод артефакта хлынул по венам – он гасил пожар, который на миг вспыхнул в груди, гасил тот крик, что уже поднимался к горлу. Я схватился другой рукой за край стола и держался. Костяшки побелели. Дерево под пальцами было холодным и твёрдым – единственная реальная вещь в этом зале.

Новусай бросил на меня равнодушный взгляд – скользнул и не задержался. Я был для него никем. Просто мальчишка за столом бургомистра. Пыль. Он не узнал меня – да и с чего бы? На площади он смотрел на пламя, не на лица в толпе.

– Бургомистр, к вам дело, не терпящее отлагательств.

Голос был таким же, как на площади: ровный, без эмоций. Голос человека, который привык, что его приказы исполняются.

Эдвин вышел с ним. Дверь закрылась.

Я медленно разжал пальцы. На ладони остались мелкие ранки, сочилась кровь. Ярость всё ещё клокотала где-то глубоко, но кулон делал своё дело – запирали её под ледяной коркой, не давал выплеснуться. Наваждение – тени в углах, которые на миг качнулись и пустились в пляс, – исчезло. Или мне показалось.

Я поднял голову. Аврора смотрела на меня – и пустота в её глазах исчезла. На её месте было что-то живое, почти тревожное. Она перевела взгляд с моего лица на мою руку, всё ещё сжимавшую кулон, и обратно.

– С тобой всё нормально?

Вопрос вырвался глупо, невпопад. Но я должен был что-то сказать – тишина между нами вдруг стала невыносимой.

Она изучала меня долго, прежде чем ответить. Её глаза скользили по моему лицу, по побелевшим костяшкам, по крови, выступившей на ладони. Она видела всё – и ничего не комментировала.

– Так это правда... что ты учился в Фольте?

Голос тихий, почти шёпот. В нём звенела тоскливая жажда – так спрашивают о месте, которое видели только во сне. Она спрашивала о мире, который для неё навсегда закрыт.

– Возможно.

Этого хватило. По её лицу скользнула тень облегчения – или радости, я не разобрал. Она как будто получила подтверждение чему-то, о чём только догадывалась.

– И каково это – учиться там?

– Как обычно. Лекции, тренировки, ночные зубрёжки.

Я не знал, как объяснить. Та часть моей жизни теперь казалась сном о другом мире. Там не было тиранов, генералов и запаха смерти. Там был только ветер с моря, старые книги и мальчишка по имени Грегори, который спал рядом со мной.

– Я слышал, твой брат тоже учился в Фольте?

Она не замкнулась. Напротив – что-то в ней приоткрылось, как створка окна, которую долго держали закрытой. Глаза её стали глубже, дыхание – чаще.

– Дорин... он был... есть... я не знаю, как правильно сказать.

Пальцы её судорожно переплелись. Она боролась с собой – и я видел эту борьбу в каждом движении, в каждой дрожащей жилке на виске.

– А ты слышал о нём? О Дорине из Кальдерона?

Я покачал головой. Имя всплывало в каких-то слухах – что-то про студента, который то ли пропал, то ли стал офицером, – но ничего определённого.

– А ты не слышал про Гре...

Она не договорила. В коридоре зазвучали шаги – те самые, тяжёлые, уверенные. Эдвин возвращался. Лицо Авроры мгновенно окаменело – живое исчезло, сменившись привычной маской. Прежде чем двери распахнулись, она метнула мне в руку небольшой свёрток. Бумага, сложенная в несколько раз, перевязанная нитью. Я спрятал его в карман за секунду до того, как вошёл Эдвин.

– Аврора, – произнёс он, осушая кубок, – мы давно не обсуждали детали твоей помолвки с принцем.

Я поднялся. Стул скрипнул по полу.

– Можно мне идти?

Эдвин небрежно махнул рукой – жест, которым отсылают слуг. Я вышел. Дверь захлопнулась, оборвав его голос на полуслове.

Коридоры встретили холодом и тишиной. Весь этот ужин был мерзким танцем на костях, которые ещё не остыли. Холод камня в ладони пульсировал, но я не сжимал его – пальцы просто помнили это движение, повторяли его сами.

У картины я снова замер. Мать Авроры. Рыжие волосы, глаза – почти как у моей собственной матери, но с тем самым потусторонним отливом. Что-то в ней было не отсюда. Чужое. Как и в самой Авроре. Как во мне. Мы оба были чужими в этом доме – и, может быть, во всём этом мире.

Я сжал кулон сильнее. Ранки на ладони открылись, свежая кровь смешалась с уже подсыхающей. Боль была далёкой, почти чужой. Тени в углах коридора качнулись и поплыли – на этот раз я точно видел, а не воображал. В их хаосе начали проступать лица. Сперва – отец, каким я видел его в последний раз: без очков, с прищуром. Потом мать – такой, какой она была в тот вечер, когда я рассказывал ей о помосте. Потом чужие, незнакомые, десятки, сотни... Они смотрели на меня и сквозь меня.

Ноги подкосились. Пол качнулся навстречу. Сознание начало отслаиваться, как старая кора.

Шаги за спиной. Я отпустил кулон – пальцы разжались сами. Боль хлынула обратно в ладонь, а вместе с ней – звуки, запахи, вес собственного тела. Гнев угас. Тени втянулись по углам, как вода в песок.

Я обернулся. Аврора стояла в нескольких шагах – и в её глазах горел свет. Тот самый, которого не было ни у кого в этом доме.

– Винирион? После ужина прошло несколько часов.

Несколько часов. Я простоял здесь всё это время, глядя в картину, и не заметил, как опустели коридоры, как погасли лишние свечи, как дом погрузился в ночную тишину. Она взяла меня за руку, и её пальцы были тёплыми – не ледяными, как в коридоре перед ужином, а живыми, почти горячими.

– Ты ещё не читал то, что я передала?

Я покачал головой.

– Прочти, – прошептала она. – Когда будет время.

Мы шли к моей комнате. Она – рядом, так близко, что я слышал её дыхание, чувствовал тепло её плеча.

– Ты так и не закончила вопрос, – сказал я у самой двери. – Ты хотела спросить, знаю ли я одного человека.

Её глаза расширились – на миг в них мелькнул страх, настоящий, живой. Тот самый, который она так тщательно прятала.

– Точно... Знаешь ли ты такого человека, как Грегори?

Я замер. Имя ударило, как нож в живот. Давно похороненное, давно оплаканное – я шесть лет заколачивал его в гроб, а теперь оно прозвучало из уст дочери моего врага.

– Откуда ты знаешь его?

– Нет-нет, ты не подумай! – Она отшатнулась, выставив руки. – Просто у брата был знакомый...

Она осеклась, густо покраснела и отвела взгляд, сообразив, что проговорилась. Я видел эту ложь – неуклюжую, шитую белыми нитками. Она лгала, и ложь выдала её с головой. Но давить я не стал. Не сейчас. Сейчас мне нужно было остаться одному и подумать.

Я закрыл дверь. Прислонился к ней спиной и стоял так, чувствуя, как колотится сердце. Грегори. Имя, которое я шесть лет пытался забыть. И она его знала.

Я лёг на спину, сжимая кулон в одной руке и письмо в другой, и позволил тьме забрать меня.

Глава 6

Винирион

13 Непильдилега 963 год город Фольт

Весенняя ночь дышала холодом. Тонкие стены общежития не держали тепло, и я с головой закутался в одеяло, поджав колени к животу. Одеяло было колючим, кусачим – старая шерсть, протёртая до дыр в нескольких местах, – но выбора не было. Второго нам не выдали. За окном орали, смеялись, спотыкались о пустые бочки – Фольт праздновал День независимости Лоронина. Студенты гуляли, и их голоса эхом разносились по коридорам, мешаясь с пьяными песнями и звоном бутылок. Кто-то пробежал мимо нашей двери, и половицы задрожали.

Для меня этот праздник был просто шумом. Отец говорил, что независимость – сложная вещь. Что не все на острове её хотели, и что теперь, сорок лет спустя, старые споры никуда не делись. Я мало что понимал тогда. Просто запомнил – его голос, его лицо, когда он смотрел в окно и говорил о политике. Теперь, лёжа в холодной темноте, я вспоминал его слова и пытался сложить их в понятную картину, но ничего не выходило. В голове всё путалось, как нитки в старом клубке.

– Винирион, подвинься, – сонный шёпот раздался прямо над ухом. – Ты всю кровать занял.

Я промычал что-то неразборчивое и не двинулся с места. В бок тут же прилетел тычок – не больно, но ощутимо. Острый локоть ткнулся между рёбер.

– Сам подвинься, – буркнул я, не открывая глаз.

– Я не могу, я с краю. Ещё чуть-чуть – и свалюсь.

Я вздохнул и подвинулся к стене. Холод от камня пробрался сквозь одеяло сразу – противный, пробирающий до костей. Я упёрся лбом в шершавую кладку и замер, пережидая, пока согреется место. Кровать у нас была узкая – одна на двоих, потому что общежитие переполнили ещё в прошлом году, а новых комнат так и не достроили. Магистры разводили руками и говорили: «Терпите, вы же будущие ученики». Ученичество требовало от нас делить койки.

Грегори поёжилась, натягивая свой край одеяла, и затихла. Её пятки коснулись моих – ледяные. Я хотел что-то сказать, но промолчал. Её пятки всегда были ледяными, я уже привык. Я уже почти уснул, когда она снова завозилась, и её дыхание коснулось моего затылка.

– Как думаешь, нас не поймают?

– Уже сто раз не поймали, – ответил я, зевая. – Спи.

Нас могли поймать. Если бы магистры узнали, что мы спим в одной кровати, и что Грегори – не мальчик, её бы выгнали сразу. Без разбирательств. Девчонок в Фольт не брали, это был старый закон, и никому не приходило в голову его менять. Грегори сама придумала эту авантюру – состригла волосы, стащила у старшего брата старую одежду и записалась под чужим именем. Я никому не рассказывал. Спали мы по очереди, прислушиваясь к шагам в коридоре. Но в ту ночь гулянье заглушало всё, и мы просто уснули. Впервые за долгое время – без страха, без ожидания стука в дверь.

Мне нравилось, что она рядом. В темноте было теплее, и страх отпускаял. Я никогда не говорил ей об этом – вслух. Но, кажется, она знала.

Утро пришло слишком быстро. Я сидел на лекции и клевал носом. Глаза закрывались сами собой, голова падала на грудь, и я вздрагивал, просыпаясь на секунду, чтобы снова провалиться в дрему. Перед глазами плыли строчки недописанного конспекта. Я разлеплял веки только затем, чтобы снова увидеть перед собой кафедру, за которой возвышался господин Констант – сухой, прямой, как палка, в своём бессменном тёмном сюртуке. В аудитории пахло мелом, чернилами и пылью, и от этой смеси меня мутило.

– Кто скажет, какой сегодня день?

Его голос звучал ровно, почти монотонно, и от этого спать хотелось ещё сильнее. Он всегда так говорил – будто читал вслух книгу, которую знал наизусть. Я посмотрел на Грегори. Она сидела рядом и тоже боролась со сном – голова то и дело клонилась к столу, перо выпадало из пальцев, она ловила его в последний момент и снова замирала, стараясь держать спину прямо.

– Сегодня... эм-м... День независимости Лоронина, – раздался робкий голос с передних рядов.

Я узнал Бьера. Он был на пару лет старше нас и всегда отвечал первым, даже когда не знал ответа. Просто чтобы прервать тишину, которая в аудитории Константа становилась невыносимой.

– Хорошо, – Констант уставился на него тяжёлым взглядом. Его глаза, казалось, просверливали дыру в переносице. – Но я хотел бы услышать более развёрнутый ответ.

Бьер замаялся, зашуршал пергаментами, начал что-то мямлить про события, которые привели к войне. Я перестал слушать. За окном светило солнце, и ветки старого дуба качались от ветра. Листья были молодые, светло-зелёные, почти прозрачные на свету. Там было хорошо. Там был воздух, а не эта душная коробка, где даже мухи дохли от скуки.

– Грегори, – вдруг произнёс Констант. – Продолжите.

Грегори не шевельнулась. Она спала, положив голову на сложенные руки. Её короткие рыжие волосы разметались по столу, и одна прядь прилипла к чернильнице.

Я замер. Констант не любил, когда отвлекались. Он считал, что история – важная из наук, и тех, кто с ним не соглашался, ждали дополнительные занятия после уроков, в пустом классе, один на один с его монотонным голосом. Я осторожно пихнул Грегори ногой под столом.

Она вздрогнула, подняла голову, захлопала глазами. На щеке отпечатался рукав.

– Мы слушаем, – сказал Констант. Его голос не изменился ни на ноту, но в воздухе повис холод.

– Извините, я... не могли бы вы повторить вопрос?

Грегори говорила медленно, всё ещё пытаясь проснуться. Констант посмотрел на неё долгим взглядом – я видел, как он чуть прищурился, словно прикидывая, стоит ли тратить время, – а потом повернулся к Биеру:

– Продолжай.

Лекция тянулась бесконечно. Констант перешёл к деталям перемирия, потом к торговым соглашениям, и каждое слово ложилось на плечи, как мешок с песком. Когда наконец прозвучало «на сегодня вы свободны», я схватил Грегори за рукав и потащил к выходу. Мы вылетели из аудитории и побежали по коридору, а потом вниз по лестнице, мимо удивлённых старшекурсников, в парк – подальше от каменных стен и запаха чернильной пыли.

В парке было прохладно. Деревья только-только оделись листвой, и свет пробивался сквозь ветки зелёными пятнами, дрожал на земле, на наших руках, на старой деревянной скамейке у фонтана. Фонтан не работал – его запускали только летом, – но в каменной чаше стояла дождевая вода, и в ней плавали жуки-плавунцы и огрызок яблока, который кто-то бросил туда ещё на прошлой седмице. Мы сели на лавочку – там, где нас никто не мог услышать, – и я наконец выдохнул.

– Ты как? – спросил я.

– Ничего. Высплюсь.

Грегори смотрела на воду. Ветер трогал её короткие волосы, и они смешно топорщились на затылке. Она подняла камешек, бросила в воду. Круги разошлись и затихли.

– Он тебя опять вызвал? Констант?

– На следующей седмице. Сказал, чтобы была вовремя.

Я кивнул. Мы оба знали, что это значит. Он будет рассказывать ей историю – ту самую, которую она и так знала наизусть, но которую слушала, потому что иначе нельзя. Иначе – отчисление, разбирательство, вопросы. И тогда её тайна могла раскрыться.

– Винирион, – вдруг позвала она, и её голос прозвучал серьёзно, не по-детски. – А ты когда-нибудь думал... ну, что было бы, если бы мы жили в другое время?

Я пожал плечами. Я вообще редко думал о таком. Мне нравилось сейчас. Нравилось, что мы здесь, в Фольте, что у нас есть эта лавочка и этот парк, и что солнце светит, и не надо никуда бежать.

– Не знаю. А ты?

Она посмотрела на меня – долгим, серьёзным взглядом, каким смотрят только дети и очень старые люди. Её зелёные глаза стали глубже, словно она видела что-то за моей спиной.

– Иногда думаю. Вот было бы здорово жить во времена Кальдирена Великого. Когда Империя была настоящей, а не такой, как сейчас. Когда все эти споры ещё не начались. Когда... ну, когда не было вот этого вот всего.

– Это легенды, – сказал я. – Никто не знает, как там было на самом деле. Может, всё было ещё хуже.

– Всё равно. Я бы хотела увидеть.

Я помолчал, болтая ногами. Мысли в голове были простые и ясные, как вода в фонтане. Солнце начало пригревать сильнее, и от земли поднимался лёгкий пар.

– А если бы мы тогда не встретились? – спросил я. – Ну, в том времени.

Грегори замерла. Камешек, который она держала в пальцах, упал в воду. Потом она улыбнулась – широко, открыто, и я вдруг заметил, какие у неё глаза. Зелёные, глубокие, как хвоя. Она никогда не говорила, откуда у неё такое странное имя и кто её родители. Я и не спрашивал. Мне хватало того, что она есть.

– Ну и глупый же ты, Винирион. Конечно бы встретились. Мы всегда встречаемся.

Она сказала это так уверенно, что я поверил. Тогда это было легко – верить.

Солнце поднялось выше, и тень от дуба поползла вправо. Где-то вдалеке студенты всё ещё праздновали, не обращая внимания на лекции, законы и всё остальное. Из открытого окна корчмы долетала песня – фальшивая, но громкая.

– Пойдём, – сказал я. – А то обед пропустим.

Мы встали и пошли по аллее. Грегори шагала чуть впереди, и я смотрел на её короткие, неровно стриженные волосы, на торчащие вихры, которые она сама подрезала седмицу назад. В тот день всё было просто. Никто не умирал. Никто не горел на костре. Мир был целым.

Я запомнил это.

Глава 7

Винирион

15 Винириона 969 год Город Лоронин

Корнелий откинулся в кресле и посмотрел на меня – оценивающе, без тени приязни. Мы сидели в саду. Утро было холодным, ясным, и свет падал на каменный стол резкими полосами, резал глаза. Я прищурился и ничего не ответил.

– Скажи, Винирион. Как долго и насколько глубоко вы изучали стратегию и тактику?

Я не стал врать. Врать ему было бессмысленно – он видел меня насквозь, как видел каждого, кто держал перед ним меч.

– Я вообще не вижу разницы между этими словами.

Он усмехнулся – коротко, сухо. Поймал на лету сорвавшийся с ветки лист, смял его в кулаке. Сухие прожилки хрустнули, как кости мелкого зверька. Я вздрогнул от этого звука, но промолчал.

– Стратегия, – сказал он, стряхивая труху с пальцев, – это когда ты решаешь, какой город взять, по какой тропе провести армию и где перерезать снабжение врага. Ты побеждаешь ещё до того, как прольётся первая кровь. Тактика – это когда фаланга уже дышит тебе в лицо, и ты решаешь, куда ударить прямо сейчас.

Он поднялся. Движения у него были плавные, как у хищника, который никуда не спешит. Я не услышал ни скрипа доспеха, ни хруста щебня под сапогами. Он просто оказался на ногах – и всё.

– Начнём с тактики. Со стойки. Без неё стратегия – красивые линии на пергаменте, которые заливают кровью. Вставай.

Мы двинулись вглубь сада. Листья под ногами пахли горькой дымкой и сырой землёй. Под ногами хлюпала грязь, невидимая в тени, и я чувствовал, как холодная влага просачивается сквозь подошву. Воздух стал прозрачным и колючим – таким, какой бывает только в середине осени, когда солнце уже не греет, а лишь освещает умирание. Вся эта осень – безмолвная, гниющая – перекликалась с тем, что я чувствовал внутри. Старая жизнь осыпалась прахом, а новая ещё не началась. Может, и не начнётся.

На площадке под вязами Корнелий достал два тренировочных меча. Я даже не заметил, как он их принёс. Они просто появились в его руках, будто он вытащил их из воздуха. Рыцарь двигался бесшумно, несмотря на годы и доспех.

Он протянул мне деревянный клинок и замер, глядя на мои пальцы. Я почувствовал, как его взгляд упёрся в мою ладонь – туда, где ещё не зажили ранки от кулона. Он ничего не сказал о них. Просто ждал. В его взгляде не было липкой тяжести, как у Эдвина. Только оценка. Сухая, острая, как грань стали.

Я не доверял ему. Он делил хлеб с Эдвином и спал под его крышей. Этого было достаточно, чтобы считать его врагом. Но в тот момент это не имело значения. Мне нужно было научиться.

– Держишь как кухонный нож, – заметил он. – Меч – это воля. Если воля дрожит, клинок бесполезен. Ноги на ширине плеч. Вес на носки. Двигайся.

Я попытался шагнуть в сторону и зацепился пяткой за корень вяза. Мир накренился, и я едва удержал равновесие, схватившись за ближайшую ветку. Корнелий даже не моргнул. Он смотрел на меня, как на пустое место, и от этого было хуже, чем от насмешки.

– Нанеси удар. Покажи, сколько в тебе ярости.

Ярость – это всё, что у меня оставалось после костра. Она сидела где-то глубоко, под ледяной коркой кулона, и я не собирался её показывать. Он хотел увидеть? Пусть смотрит. Я сделал прямой выпад – неуклюжий, медленный, как в дурном сне.

Он отбил его лёгким движением запястья. Дерево стукнуло о дерево, и удар отдался в ладони тупой болью.

– Ты бил в мою защиту. Это пустая трата сил. Бей туда, где меня нет. Когда я поднимаю меч для блока, открываются дыры. Вот здесь, – он ткнул клинком в воздух у моего бока, и кончик дерева почти коснулся моей рубахи, – под мышкой. И здесь, на бедре. Мгновение – и их нет. Учись видеть их.

Я кивнул. Пот стекал по виску, но я не вытирал его.

Мы работали до сумерек. Его меч находил меня снова и снова – в горло, в живот, в бок, по ногам, по пальцам. Я не успевал. Он двигался экономно, почти лениво, и каждый мой промах встречал коротким тычком, от которого оставались синяки. Пальцы горели, деревянная рукоять стала скользкой от пота, и я боялся, что выроню её. Спина ныла. Рубаха прилипла к телу, тяжёлая, мокрая, и холодный ветер пробирал до костей каждый раз, когда мы останавливались.

Один раз я почти достал его. Он отвёл мой удар, и его левый бок на миг открылся – короткая щель, на один удар сердца. Я рванулся вперёд, забыв о защите, и тут же напоролся на острие его меча. Дерево упёрлось мне в горло – жёстко, до хруста в шейных позвонках. Я замер. Он мог ударить сильнее, но не стал.

– Ты слишком спешишь убить, – произнёс он, не убирая клинка. – И забываешь, что тебя тоже хотят убить. Суть тактики проста: найти чужую дыру и не открыть свою.

Он опустил меч. Я отошёл к краю площадки, хватая ртом холодный воздух. Лёгкие горели, во рту стоял привкус железа. Письмо Авроры в кармане намокло от пота и прилипло к бедру. Я чувствовал его тяжесть при каждом движении.

Корнелий налил воды из кувшина, подал ковш. Я пил жадно, и вода текла по подбородку, капала на рубаху. Он стоял поодаль, глядя в засыпающий сад, и в его неподвижности было что-то от старого изваяния – выветренного, покрытого трещинами, но несломленного. Когда я вернул ковш, он молча указал мечом на центр площадки.

Передышка закончилась.

К ночи я едва стоял на ногах. Поясницу ломало так, что каждый шаг отдавался в позвоночник. Предплечья гудели, пальцы не гнулись. Но внутри, под слоем усталости и боли, шевелилось что-то новое. Не благодарность – я не умел быть благодарным. Скорее, понимание. Этот старик мог бы убить меня десятки раз за один урок. Он не убил. Он учил. Он вкладывал в меня что-то – и это что-то было сильнее ненависти к нему.

Я поднялся к себе и рухнул на кровать. Мышцы ныли, каждая косточка молила о покое. Позвоночник казался раскалённым прутком, вбитым в крестец. Месяцы за пыльным столом, гусиное перо вместо меча – всё это мстило мне сейчас за каждое мгновение лени. Я лежал, глядя в тёмный потолок, и слушал, как в висках стучит кровь.

Но письмо жгло карман.

Я поднялся. Движение отозвалось болью в спине, но я заставил себя встать. Зажёг свечу. Фитиль затрещал, и неровный огонёк заметался по стенам. Я развернул свёрток.

Пляшущий свет выхватил неровные строчки. Гонортские буквы вгрызались в плавный светлодайский шрифт, как занозы. Шифр. Я видел такие сотни раз в дешёвых романах, что переписывал ради куска хлеба. Взгляд скользил по знакам почти бездумно, и кулон на груди делал своё дело – холод вымывал любопытство, оставляя голый смысл. Строчка за строчкой – никаких эмоций, только факты.

«Кто бы это ни читал, знай – скорее всего, я сама отдала тебе это в руки...»

Брат. Дорин Бездушный. Дорин из Кальдерона. Она боялась за него. Боялась, что он мёртв, а отец ждёт. Помолвка с принцем. Она искала выход. Искала союзника. И выбрала меня.

«ПС: Если всё же ты мой "друг", скажи мне: "Днём власть Элисара выше"».

Я перечитал последнюю строчку. «Друх». Ошибка, которую мог сделать только тот, кто никогда не учил гонортский всерьёз. Ошибка, которую я уже видел когда-то. Шесть лет назад.

В других письмах – коротких, смешных, полных таких же оплошностей. Письмах, которые я читал по ночам, пряча под одеялом.

Грегори.

Холод кулона схлынул. Всего на миг – один короткий удар сердца. В груди что-то сжалось, глухо и болезненно, как старая рана, которую потревожили во сне. А потом холод вернулся, и всё снова затихло. Камень не давал ране открыться. Но и закрыть её до конца уже не мог.

Я смял пергамент в кулаке – резко, до хруста бумаги, – и тут же разгладил его ладонью. Нельзя. Это улика. Это нужно спрятать. Я сунул письмо под подушку и лёг, уставившись в потолок.

Сон не шёл. Перед глазами стояли строчки – неровные, рваные, написанные рукой, которая не привыкла держать перо. И имя. То самое имя, которое я шесть лет заколачивал в гроб, засыпал землёй и запрещал себе вспоминать.

Теперь оно лежало передо мной на бумаге. И холод кулона был бессилён.

Глава 8

Винирион

30 Винириона 969 год город Лоронин

Две седмицы тренировок. Время в поместье ползло, как застывающая смола, но часы подвязами сгорали быстро. Утром, ещё до завтрака, я выходил на площадку, разминал затёкшие за ночь мышцы и ждал, пока из-за деревьев появится его силуэт. Корнелий гонял меня до изнеможения – до дрожи в коленях, до солёного привкуса во рту, до темноты перед глазами, – и это изнеможение было единственным, что держало на плаву. Всё остальное – коридоры, ужины, взгляды слуг – казалось бессмысленной декорацией.

Сам он не менялся. Стальной истукан. Редкие замечания – о «бестолковой злобе», о том, что я тороплюсь, что я открываюсь на третьем шаге, что мой левый локоть гуляет и это заметно даже слепому. В конце каждого занятия он ронял одну и ту же фразу: «Эдвин скоро найдёт тебе настоящего наставника». Это висело в воздухе, превращая каждый урок в последний. Мысль о замене вызывала не облегчение, а глухое раздражение. Я привык к его манере. К холоду. К безжалостной точности, которая не прощала ошибок, но и не унижала за них.

В тот день солнце стояло низко. Листья под ногами хрустели и пахли горькой дымкой. Мы сошлись в очередной схватке. Его клинок – тяжёлый, затупленный – описывал короткие, безрадостные круги. Я отбивался, чувствуя, как каждый удар отдаётся в костях, как вибрирует рукоять в ладони, как немеют пальцы от напряжения.

Он пошёл в атаку. Выпад в лицо – я вскинул меч, открывая корпус, и в тот же миг понял, что попался. Тут же его острие рванулось вниз, в живот. Мыслей не было. Только вбитая в мышцы истина: встретить сталь сталью. Я рванул клинок вниз, совершил широкий, грубый заслон, отбив его оружие в сторону. Лязг. И щель – на один вздох.

Я шагнул вперёд. Замахнулся сверху, целя в открытое плечо, всей тяжестью изображая мощный, дурацкий удар. Его взгляд метнулся туда, куда я обещал попасть. Обман. В последний миг я перекачал силу в короткий толчок. Клинок изменил траекторию и пошёл прямо – в корпус, под плащ.

Глухой, влажный стук. Острие упёрлось в плоскую гарду. Он успел. Чудом. Его рука дрогнула, приняв удар, который должен был пройти мимо.

Мы замерли. Я дышал тяжело, сердце колотилось в висках. Он стоял неподвижно. Взгляд – холодный, как омут – упёрся в точку, где встретились наши клинки. Ни одобрения. Ни злости. Только оценка.

– Хитрость, – произнёс он. – Глупая. Ты открылся под ответный выпад. Но задатки есть. Эдвину теперь есть что доложить.

Слова «доложить Эдвину» ударили глухо. Я был не учеником. Я был отчётом. Зверьком, которого выдрессировали для хозяйского смотра. Корнелий уже отходил к скамье. Его спина – широкая, непробиваемая – говорила яснее слов. Урок окончен.

Я сжимал кулон в ладони. Холод вытягивал усталость. Концентрация становилась острой, как бритва. Интересно, если не отпускать его никогда – станет ли клинок безупречным? Или я превращусь в живое изваяние, не способное прочесть ни тени эмоции на лице врага?

После ужина я брёл по саду. Мысли крутились вокруг письма Авроры – но подойти к ней не удавалось. Эдвин следил. Слуги следили. Достаточно было одного неверного взгляда, чтобы нас обоих вывернули наизнанку. Между нами всегда было слишком много глаз.

Я забрёл в незнакомую часть сада. Здесь высились древние буки – исполинские, с узловатыми корнями, выползающими из земли, как змеи. Верхушки ещё цеплялись за зелень, но стволы уже стояли в густой, неподвижной тишине. Ветер затихал, разбиваясь о стену коры. И где-то вдалеке – голоса.

Я двинулся на звук. Шаг – почти беззвучный. Корнелий научил меня переносить вес так, что даже щепень не хрустел. Теперь я понимал, зачем: чтобы подкрасться к врагу. Или к тем, кто говорит о твоём враге.

– ...мы готовы выдвигаться.

Человек в доспехе тёмной кожи говорил с Эдвином. На груди – буква «Н». Таомелиец. Его голос был низким, с хрипотцой, пропитанным дымом лагерных костров.

– Ваш генерал торопит события. Вы уверены, что он именно там?

Я замер за стволом бука. Дыхание замедлилось. Кулон на груди холодел, и холод поднимался к горлу.

– Без сомнений. Дорин Бездушный не оправился после летней кампании. Скрывается в лесах близ Кальдерона.

– Это мне известно. Как вы выманите его из чащи?

– Приманка. Клан Кеншагон и лично Гавейн фон Кеншагон.

– Кеншагон цу Милдон, – поправил Эдвин с холодным смешком. – Он лишился титула.

– Пусть скажет спасибо, что генерал позволил вернуть хотя бы замок.

Дорин. Брат Авроры. Тот, кого она искала. Я прижался спиной к коре. Кора была шершавой и холодной, и я чувствовал каждую трещину лопатками. Сердце стучало слишком громко. Если они услышат – конец.

– ...выманить провокацией. Пока Кеншагон атакует в лоб, основные силы...

Тяжёлая ладонь легла мне на плечо.

Кулон мгновенно втянул всплеск паники. Тело осталось неподвижным. В голове вспыхнуло: площадь, столб, пламя, пожирающее отца. Фантомная боль обожгла ступни.

Я обернулся. Корнелий. Шрам на его лице казался чёрной бороздой в лунном свете.

– Как я вижу, ты решил продолжить обучение ночью, – произнёс он. Голос ровный. Ни гнева. Ни насмешки. Пустая интонация.

Я коротко кивнул.

– Ночные бои сложнее дневных. Возвращаемся на площадку.

Он развернул меня и повёл прочь, заслоня спиной от беседки. Я шёл за ним и не понимал. Почему он не выдал меня? Почему не позвал Эдвина? Может, он не служит ему. Может, он служит кому-то ещё – и я просто не знаю кому.

Мы вернулись под вязы. Он ничего не объяснил. Просто взял меч и встал в стойку. И я понял: этот человек ведёт свою игру, правил которой я пока не знаю.

Ночь мы провели на площадке. Он гонял меня до серого рассвета. Звёзды погасли, небо стало белым, а мы всё ещё стояли друг напротив друга, и деревянные клинки стучали в тишине. Когда я добрался до комнаты, тело было чужим. Руки висели плетью. Суставы – битое стекло. Я рухнул на кровать, не раздеваясь, и провалился в сон без сновидений. Только кулон на груди держал сознание в теле.

На следующий день Корнелий ушёл. Я не знал куда. Его комната опустела, и даже слуги не знали, когда он вернётся. Эдвин заменил его в считанные дни.

Новый наставник был дотошен и пуст. Переписчик, по ошибке забредший на поле боя. Он двигался, как человек, который выучил фехтование по книгам: все стойки правильные, все углы выверены, но не хватало главного – чувства боя. Он говорил правильные слова, но за ними не стояло ничего. Удар. Стойка. Парирование. Повтор. Его уроки не выжигали – они замуровывали ярость под слой бесполезных форм. После них тело не просило смерти. Оно ныло от скуки – и это было хуже.

Я терпел достаточно долго.

В день, когда он согласился на вольный бой, я был готов. Он встал в безупречную стойку. Меч ходил плавно, выписывая лишённые жизни узоры. Уверенный. Снисходительный.

– Покажи, чему научился, Винирион. Не робей.

Я сжал рукоять не по его канону. Так, как вбил Корнелий. Крепко, будто вырывал у мира право на месть. Старая боль в плечах отозвалась знакомой ломотой.

Атака. Невыразительный, ленивый размах слева направо. Удар послушного ученика. Предсказуемый до тошноты.

Он парировал. Легко, технично – и его меч отбросил мой, открывая левый бок. В его взгляде уже мелькнуло удовлетворение. Он собирался остановить бой. Прочсть лекцию о том, как легко я попался.

Но его запястье на долю секунды расслабилось.

Я вложил в этот миг всё. Глухое бешенство от его поучений. Презрение к этому балагану с деревяшками. Ледяную память о ночных уроках под буками. Мой клинок не изменил траекторию – он продолжил движение, будто отскок был частью замысла. Короткий, жестокий рывок телом – и дерево обрушилось вниз.

Не в корпус. Прямо в запястье.

Глухой хруст. Его меч покатился по камням. Он отпрянул, зажимая повреждённую кисть. Лицо стало землистым. Страх. Животное непонимание в глазах.

– Ты... – голос сорвался в хрип.

Я опустил оружие. В висках стучало. Кулон впитывал остатки жара, оставляя ледяную ясность.

– На сегодня достаточно.

Мой голос прозвучал чужим. Я развернулся и пошёл прочь. Он остался позади – со сломанным запястьем и разрушенной уверенностью. Урок был усвоен. Мной.

Глава 9

Аврора

7 Вутороме 969 год город Лоронин

С каждым днём Винирион казался мне всё более чужим. Не мне – этому дому, этому саду, самому себе. Холодное, неподвижное изваяние. Но в редкие мгновения, когда мне удавалось поймать его взгляд, я видела в глубине нечто, от чего перехватывало дыхание. Так смотрят угли перед тем, как погаснуть. Я не знала, что именно замечаю – может быть, отсвет того же огня, что горел во мне, – но каждый раз, когда наши взгляды пересекались, по спине пробегала дрожь.

Когда господин Фиоре покинул поместье, прижимая к груди сломанное запястье, я ждала, что отец обрушит на Винириона всю свою ярость. Вместо этого он лишь рассмеялся. Я стояла за дверью кабинета, вжавшись в стену, и слышала каждое слово: «Настоящий мастер не позволил бы мальчишке покалечить себя обычным финтом. Убирайтесь, Фиоре». В его голосе звучало не возмущение – почти гордость. Как будто Винирион был его собственностью, которая внезапно показала зубы, и это его позабавило. У меня по спине пробежал холодок – не от страха, а от внезапного понимания: Отец видит в нём не человека – орудие. И это делало нас похожими больше, чем цвет глаз.

Новых наставников по фехтованию отец не искал. Вместо этого отправил Винириона в библиотеку – к Кармине, на уроки истории и этики.

Для меня это стало спасением. В старой учебной комнате пахло сухими травами и пыльным пергаментом – запах, который с детства казался мне единственным уютным в этом доме, – и здесь я могла просто сидеть позади него и смотреть. Открыто. Не прячась. Кармина делала вид, что не замечает. Она сидела у камина с прямой спиной и монотонным голосом перечисляла даты, а я устраивалась у дальней стены, где свет падал из окна косыми полосами, и просто позволяла себе быть рядом.

– После смерти императора Мирина Третьего, около двести пятьдесят четвёртого года, произошло разделение империи на две части. Но ответь мне, Винирион: в чём была истинная причина этого раскола?

Её голос звучал монотонно, убаюкивающе. Даты и имена великих покойников проносились мимо. Я смотрела не на неё.

– Разногласия между его сыновьями, – ответил Винирион.

Голос ровный, как гладь замёрзшего пруда. Но пальцы, сжатые на краю стола, побелели. На шее пульсировала жилка. Ему было тошно от этих мёртвых истин. Я видела это так же ясно, как видела страх в глазах слуг перед отцом. Мне хотелось коснуться его плеча, сказать что-то, но я осталась на месте. Нельзя. Слишком много глаз.

Кармина продолжала расспросы. О Мирине Четвёртом, о Варжарине Первом, о вражде ярмарцев и таомельцев. Я не слушала. Я жадно вглядывалась в его лицо, пытаюсь разгадать, что за Альтйор терзает его изнутри. Что выжигает всё живое и оставляет только эту ледяную корку. Что-то в его чертах – в том, как он хмурился, когда думал, что никто не смотрит, – напоминало мне брата до войны. Ту же упрямую складку между бровей. Тот же голод в глазах, который не утоляют ни знания, ни победы.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что образ матери снова ускользает. Раньше я могла вызвать его в памяти ясно: её руки, запах лаванды, смех. Теперь он истончался, как старый пергамент, с которого время стирает буквы. Я с ужасом понимала, что забываю. И от этого внутри всё сжималось в тугую, холодный узел. Но, глядя на Винириона, я чувствовала странное тепло – не к нему, а к тому, что он каким-то образом возвращал меня в прошлое. В Фольт. В те дни, когда я ещё не была Аврой.

– На сегодня хватит, – произнесла Кармина, сворачивая свиток. – Я схожу за кодексом «Диалогов о чести». Подожди здесь.

Дверь закрылась. Её шаги затихли в глубине коридора. Тишина обрушилась внезапно – плотная, как вода, – и я вдруг осознала: мы одни.

Сердце ударило в горле. Глухо. Предательски громко.

Винирион стоял у окна спиной ко мне. Солнечный свет падал на его плечи, и пылинки кружились в золотистых лучах, как крошечные живые существа. Он не двигался. Его спина была прямой, но не напряжённой – скорее застывшей, как у человека, который давно привык быть один. И эта неподвижность вдруг задела меня – остро, почти болезненно. Мне захотелось разрушить её. Бросить что-нибудь. Закричать. Сделать так, чтобы он перестал быть частью этой замершей картины и стал настоящим. Живым.

И будто услышав мою немую досаду, он повернулся.

Наши взгляды встретились. Время споткнулось. Я не успела отвести глаза. Не успела натянуть маску. Жар поднялся от шеи к щекам и залил лицо предательским румянцем. В ушах зазвенело, и я почувствовала, как кончики пальцев покалывает от напряжения.

– Знаешь, днём власть Элисара выше.

Он произнёс это тихо, почти без интонации. Но слова ударили наотмашь.

Мои пальцы вцепились в складки платья с такой силой, что заболели суставы. Та самая бессмыслица. Тот нелепый набор слов, который я вывела дрожащей рукой в письме. Он прочитал. Запомнил. И теперь бросил мне, как ключ – прямо в лицо, не заботясь о том, поймаю ли я его.

В голове зашумело. Кровь отхлынула от лица, оставив щёки ледяными. Я смотрела на него, не в силах пошевелиться, и во мне боролись два чувства: первобытный страх – что это ловушка, что он сдаст меня отцу, – и безумная, внезапная надежда.

– Ты... всё-таки прочёл его.

Мой голос сорвался на шёпот – хриплый, сдавленный, как будто я не говорила несколько дней.

– Полагаю, передавая письмо, ты рассчитывала именно на это.

Он шагнул ближе. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах застыло ожидание. Не враждебное. Скорее – оценивающее. Он ждал, что я сделаю дальше, и не собирался помогать.

– Глупо было бы оставлять его без внимания, раз ты так рисковала.

Я не находила слов. Он подошёл ещё ближе. Между нами осталось несколько дюймов – расстояние, на котором мир сужается до одного человека. Воздух стал горячим и густым, пропитанным запахом старой кожи от его туники и чем-то ещё – едва уловимым, горьковатым, как дым. Я чувствовала, как моё собственное дыхание, отражаясь от его груди, возвращается к моему лицу – тёплое, частое.

Я вскинула руки – не обнять, не оттолкнуть. Просто невольно, как защиту. Ладони упёрлись в ткань его туники. Под ней – твёрдость тела и ровный, пугающе спокойный ритм сердца. Моё колотилось так яростно, что сердце отдавалось в кончиках пальцев, в висках, в горле.

Он отступил сам. Холодный воздух заполнил пространство между нами, и я пошатнулась, будто у меня выбили опору. В груди что-то оборвалось – и тут же затянулось ледяной коркой.

– Насколько ты уверена в том, где сейчас твой брат?

Голос – едва слышный шёпот. Я опустила голову. Взгляд упёрся в носки туфель. Весь мой запал, вся решимость вдруг рассыпались в прах. Я не знала ничего. Только крупницы слухов и отчаянную надежду. Ни карт, ни имён. Только сердце, которое твердило: он жив.

– Допустим, я слышал о твоём брате один слух, – произнёс Винирион. Его взгляд изучал моё лицо, и я понимала: он ищет признаки предательства. Я видела, как его правый глаз

скользит по моим скулам, по губам, по тому, как я дышу. – Но прежде скажи: могу ли я доверять тебе?

Обида обожгла горло, как глоток горячего вина. Я вскинула голову. Неужели он не видит? Неужели думает, что я способна играть в такие игры на крови собственного брата? Во мне течёт кровь отца – да, – но не только его. Я хотела закричать, но сдержалась. Крик здесь был непозволительной роскошью.

– И всё же, – продолжил он, не дожидаясь ответа, – когда я смотрю тебе в глаза, мне кажется, что доверия ты заслуживаешь. По крайней мере, самую малость.

Я пропустила колкость мимо ушей. Сейчас всё, что имело значение – это его слова о брате. О Дорине, которого я не видела целую вечность и которого уже почти похоронила в мыслях.

– Говори, – выдохнула я. – Пожалуйста.

– Твой отец говорил с каким-то человеком. Я не знаю его имени, но из их беседы стало ясно: твой брат жив. Сейчас он скрывается где-то в лесах близ Кальдерона.

Кальдерон. Я закрыла глаза, и передо мной всплыла карта острова – старая, выцветшая, которую я помнила ещё с уроков с мамой. Лоронин – на юго-восточном побережье. Непролазные чащи Кальдерона – в нескольких десятках миль на северо-запад. Сердце пропустило удар и понеслось вскачь. В глазах зашипало, и я зажмурилась сильнее, чтобы сдержать подступающие слёзы. Он жив. Дорин жив. Не умер в том лагере. Не сгинул без вести. Живёт, дышит, ждёт – может быть, даже ждёт меня.

Шаги в коридоре. Я мгновенно подобралась, отступила к окну за спиной Винириона. Он уже стоял там – безучастный созерцатель увядающей природы. Я прижалась плечом к холодному стеклу и почувствовала, как дрожь уходит, сменяясь ледяным спокойствием.

Кармина вошла с тяжёлым кодексом в руках. Её лицо покраснело от быстрой ходьбы.

– Хорошо, что я успела перехватить господина Эдвина до того, как он уехал, и попросить ключ от хранилища.

Я замерла. Отец уехал? Слова Кармины повисли в воздухе, и я боялась дышать, чтобы не спугнуть их.

– Мой отец... куда-то уехал? – вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык. Слишком быстро. Слишком жадно. Но Кармина не заметила – или сделала вид, что не заметила.

– Да, дитя моё. По срочным делам. Его не будет в поместье месяц, а может, и дольше.

Она передала кодекс Винириону, поклонилась мне и вышла. Дверь закрылась с тихим щелчком. Тишина.

Я смотрела на прямую спину Винириона, на его застывшие плечи, на то, как солнечный свет дрожал на его волосах. Месяц. Отец уехал на месяц. Внутри всё звенело – не от страха, а от того, что я впервые за долгие годы чувствовала: у меня есть шанс. Не призрачный, не мнимый – настоящий.

– Винирион, – голос сорвался, и я сглотнула, пытаясь унять дрожь. Сердце бухало в груди, как кузнечный молот. – Что ты думаешь о том... чтобы покинуть это место? Навсегда.

Он медленно обернулся. Его правый глаз смотрел на меня – без удивления, без страха, но и без насмешки. И в этой тишине я слышала только оглушительный стук своего сердца – и больше ничего.

Глава 10

Винирион

8 Вутороме 969 год город Лоронин

С того момента, как Аврора озвучила своё безумное предложение, прошёл день. Я сказал ей «подумаю». На деле решение было принято мгновенно – ещё до того, как она закончила фразу. Другого выхода из этой позолоченной клетки не существовало. Оставалось действовать.

Весь следующий день я использовал каждую свободную минуту. Уроки этики с Карминой были пыткой – нудной, тягучей, бессмысленной, – но я терпел. Её монотонный голос перекачивался надо мной, как волны, и я кивал в нужных местах, пока мои мысли были далеко. После занятий выходил в сад и под видом упражнений с мечом прочёсывал каждый угол. Фиоре всё ещё зализывал сломанное запястье, нового надзирателя Эдвин не прислал, и я был предоставлен сам себе. Редкая удача. Возможно, единственная, которая мне выпадет.

Я мерил шагами дорожки, подмечая, какие участки просматриваются из окон поместья, а какие остаются в тени. Выяснил, где хрустит щебень, а где можно пройти бесшумно – по траве, по мягкой земле у корней. В самой глубине сада, за старыми вязами, обнаружил заросшую тропинку в низине. Она уводила в лес – дикий, тёмный, не похожий на стриженные аллеи. Я постоял у кромки, глядя на колышущиеся ветки. Свобода была в нескольких шагах. Я чувствовал её запах – прелой листвы, сырой земли и чего-то острого, почти звериного. Я развернулся и пошёл обратно, и каждый шаг давался с трудом.

Не глупец. Если исчезну сейчас – тревогу поднимут раньше, чем я успею скрыться из виду. Без припасов, без тёплой одежды – смерть в первом же овраге. Замёрзнуть или подохнуть от голода. Выбор так себе. Я знал, что такое холод – настоящий, пробирающий до костей, тот, что приходит осенними ночами, когда отсыревает одежда и ветер задувает под неё, как под старую дверь. Без подготовки лес убьёт нас быстрее, чем люди Эдвина.

Мне нужна была Аврора. Она жила здесь всю жизнь и знала этот дом как свои пять пальцев. Где ключи от кладовых, где хранятся дорожные припасы, как выйти через чёрный ход, не попавшись на глаза слугам. Без неё – никак. Но и с ней – риск. Не тот, что она предаст или сломается, – она доказала, что не из пугливых. Другой: что я не смогу её защитить. Что в лесу, под холодным дождём, когда у нас не останется ни еды, ни сил, я буду смотреть на неё и понимать, что не справляюсь.

Я вернулся в дом и сразу направился в библиотеку. Она была там. Как всегда – сидела позади, безмолвная тень. Едва я закрыл дверь, наши взгляды встретились.

– Насколько серьёзно ты готова к тому, что предложила вчера? – спросил я без предисловий.

Голос прозвучал резче, чем следовало. Кулон на груди делал своё дело: мир казался выцветшим, чувства – помехой. Пустота стала второй кожей, и я уже не помнил, каково это – говорить иначе.

– Значит, ты согласен?

Она проигнорировала мою грубость. Уже интересно. Я думал, она отшатнётся или обидится – но нет. Она подалась вперёд, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на голод.

– Скажи, у тебя есть хоть какой-то план? Что мы будем делать, когда переступим черту поместья?

– А если я скажу, что есть, это как-то повлияет на твоё решение?

Она смотрела прямо. Не отводила глаз. Обычно Аврора была другой – тихой, пустой, с тем самым остекленевшим взглядом, какой бывает у сломанных кукол. Но сейчас в ней что-то разгоралось. Опасное. И прекрасное. Как «Гостья из Пустоты» – небесная искра, что вспыхи-

вает раз в столетие и гаснет, оставляя только память. Я никогда не видел этого явления, только читал в старых книгах, но сейчас, глядя на неё, я впервые понял, что это значит.

– Твой план может повлиять, – ответил я, подходя ближе. – Но если это просто слова – нам обоим конец. Говори прямо: что у тебя есть?

Она вжалась в кресло, но взгляда не отвела. Её пальцы побелели на подлокотниках, но голос остался твёрдым:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.